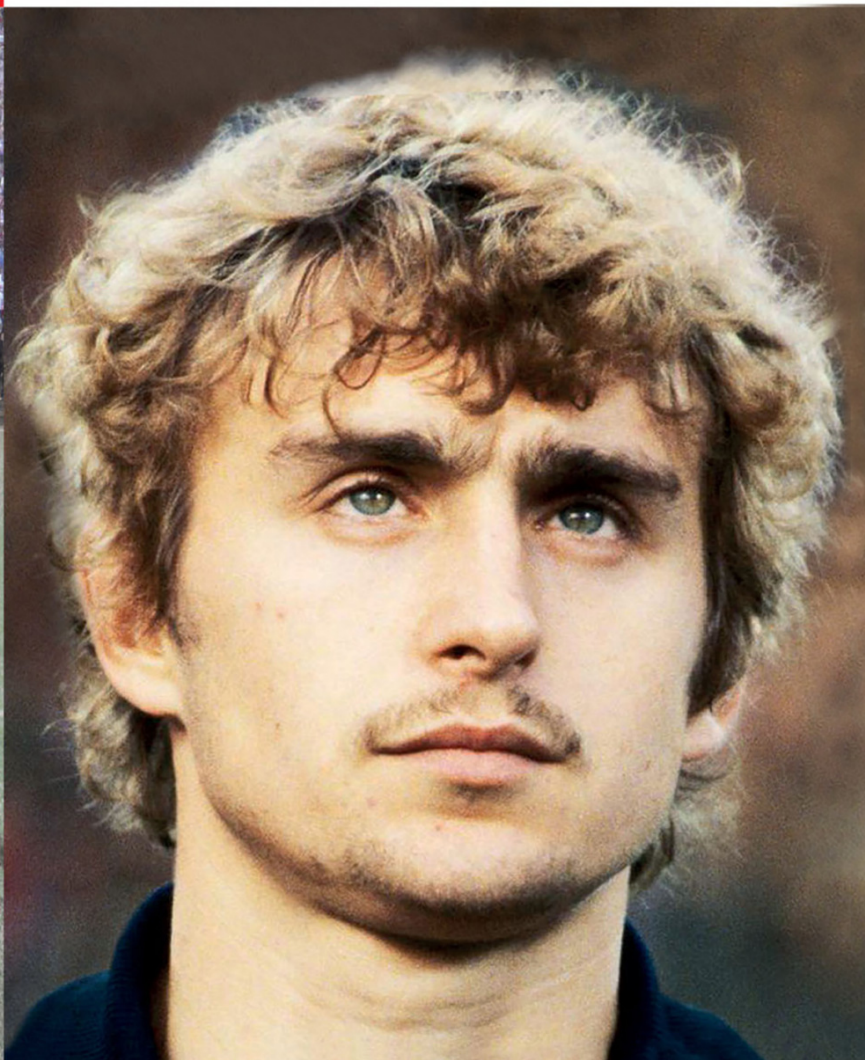

ФЕДОР ЧЕРЕНКОВ

Угорь
Рабинер
Владимир
Таледин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Игорь Рабинер

Федор Черенков

«ВЕБКНИГА»

2019

Рабинер И. Я.

Федор Черенков / И. Я. Рабинер — «ВЕБКНИГА»,
2019 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04700-6

Федора Черенкова по праву называли «народным футболистом». Его любили все — и не только болельщики «Спартака» — клуба, которому он отдал всю жизнь и за который провел рекордное количество матчей, но и армейцы, динамовцы, болельщики из других городов и республик единого тогда Советского Союза. И когда в 2014 году его не стало — в возрасте всего-то пятидесяти пяти лет! — на прощание с ним в манеж «Спартака» в Сокольниках пришло более 15 тысяч человек. Столько людей за всю историю отечественного футбола хоронило только двоих: его и Эдуарда Стрельцова. Их двоих, самых любимых, народ и называл ласково, по именам: Эдик и Федя. И не нужно было объяснять, о ком идет речь. О счастливой и одновременно трагической судьбе этого чистого и светлого человека, уникального «художника игры», рассказывается в книге Игоря Рабинера и Владимира Галедина. Авторы (один из которых был знаком с Черенковым четверть века) провели многочасовые беседы с людьми, лучше других знавшими выдающегося футболиста, — его ближайшим другом и многолетним партнером по «Спартаку», его одноклубниками, обеими женами, дочерью, многими другими. Помножим все это на тщательнейшее исследование прессы за каждый год, проведенный Черенковым в футболе и после него, — и получим книгу, рисующую его многогранный портрет на основе огромного количества новых для читателей фактов и расставляющую точки над «i» в многочисленных мифах вокруг его легендарного имени. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-235-04700-6

© Рабинер И. Я., 2019

© ВЕБКНИГА, 2019

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	16
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Игорь Рабинер, Владимир Галедин Федор Черенков

© Рабинер И. Я., Галедин В. И., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

Предисловие

Сотвори себе кумира

Кажется, это было только что. 25 июля 2014 года, идеальная погода, безоблачное настроение. Ты, как в детстве, не идешь, а почти вприпрыжку летишь от метро «Спортивная» в «Лужники». На футбол.

Только этот футбол – не официально-многотысячный, не оглушенный ненавистью к сопернику и жадной победы любой ценой. Это футбол добрых лиц и светлых улыбок, и каждый, кто идет на него в Детский городок, чувствует себя заведомо счастливым.

Потому что это – 55-летие Федора Черенкова.

Сам он, правда, на поле не выходит. Как жаль! Уж один-то гениальный «черпачок», от которого ахнет публика, всегда бы отдал. Или между ногами мячик кому-нибудь пробросил. Или выдал бы еще какой-нибудь фокус из кунцевского двора – он их десятками когда-то перенес в большой футбол. Чем и влюблял в себя взрослых, серьезных за пределами стадиона мужчин. Потому что на 90 минут делал их детьми.

И вдруг в юбилей он не только не играет, но и уходит от объяснений почему. Заставляет теряться в догадках, среди которых здоровье, увы, в числе первых. Чтобы Черенков, для которого мяч – божество, не хотел играть в футбол? Ой, нехорошо все это.

Но мысль тревожная быстро рассеивается – выглядит-то юбиляр бодро. Стоически, более часа, раздает автографы. Улыбается каждому своей, как всегда, стеснительной улыбкой. Разве что упрятанной в густую бороду, с которой Федор выглядит как-то иначе.

Потом – банкет в ресторане-корабле «Ласточка» на Москве-реке. В какой-то момент, расчувствовавшись, ты обнимаешь его. Вручаешь распечатку написанной к юбилею статьи «Волшебная страна Черенковия» и в сотый, наверное, раз в жизни повторяешь ему: «Федя, я на тебе вырос. Спасибо, что ты есть».

А в ответ слышишь библейское, но в то же время и абсолютно черенковское: «Не сотвори себе кумира».

Прости, Федор. Сотворили. И дай бог, чтобы у каждого человека и каждого поколения были такие кумиры, как ты.

И было так хорошо, что вот он рядом – божий, святой, светлый человек откуда угодно, но только не из циничного XXI века. И дома тебе говорят, что таким просветленным, каким ты пришел домой в тот день, тебя не видели уже очень давно.

...И вдруг его нет. Думая об этом, ты идешь по улице, вроде бы тепло укутанный. Но колотит озноб. Озноб безвозвратного одиночества, о котором исчерпывающе сказал поэт: «Опустела без тебя Земля».

Идешь – и у тебя не укладывается в голове, как можно жить, зная, что на этой Земле больше нет Федора Черенкова. Как-то, наверное, можно. Но сколько же доброты и света потерял каждый из нас с его уходом. И их уже никак и никогда не вернуть.

* * *

Федя в «Спартаке» себя нашел,
И пришел со «Спартаком» к победе.
Феде и без сборной хорошо.
Ну а сборной – не всегда без Феди!

Этот экспромт, поразмыслив всего несколько секунд, выдал в ответ на просьбу прокомментировать выступление сборной СССР на чемпионате мира 1990 года в Италии знаменитый поэт-песенник и яростный болельщик «Спартака» Игорь Шаферан. Лучше выразить чувства миллионов людей было невозможно – и еженедельник «Собеседник», с которым тогда сотрудничал один из нас, счастлив был это четверостишие от мэтра опубликовать...

Какая же это все-таки чудовищная несправедливость, что Федор Черенков ни разу не сыграл на чемпионатах мира и Европы. Что его там не увидели и не оценили. В 82, 86, 90-м... Нашего любимого футболиста всех времен и народов уже давно нет в живых – а то горькое юношеское чувство, когда хотелось плакать от бессильного отчаяния, никуда не делось. Не забылась и тогдашняя болельщицкая обида на Валерия Лобановского: ну как же так было можно? Хотя мы тогда многого, очень многого не знали.

Черенков забивал на «Маракане» Бразилии, забивал Франции с Платини и Жирессом, забивал в четырех матчах подряд на Московской Олимпиаде-80, забивал кучу важных голов в еврокубках, включая легендарный решающий мяч в Бирмингеме «Астон Вилле» в концовке игры. А уж сколько – и как! – отдавал...

Но в мире его, за исключением специалистов совсем уж глубинного бурения и особо памятливых болельщиков, не знают. Страшно обидно. Но поступим по-черенковски и во всем будем искать хорошее. Пусть знание о том, каким великим мастером был Черенков, останется для нас чем-то своим, сокровенным. Тем, чего не поймут другие (как никому со стороны не дано до конца понять русскую душу). Но в чем на 100 процентов убеждены мы сами. И при чем-то недоуменном пожатии плечами мы лишь усмехнемся, потому что твердо знаем, что это так и только так.

Счастьем видеть Черенкова на поле так хотелось поделиться со всем миром – а не судьба. Когда в 94-м он объявит о завершении карьеры игрока, Николай Старостин, 92-летний основатель «Спартака», в такой парадоксальной форме поделится мыслями на этот счет: «Хорошему человеку всегда не везет...»

Черенков был не просто хорошим, а светлым человеком. Не от сего мира, который мы видим вокруг себя во втором десятилетии XXI века. Ну посудите сами, кто еще свое отношение к материальным благам сформулирует так: «С детства врезалась в память притча. Сидит богач на мешке с деньгами. Думает: “Куда этот рубль деть? Куда тот?” Слышит – кузнец молотком стучит и песни распевает. Удивился: “Я, такой богатый, молчу. А этот нищий кузнец поет и поет. Дам ему денег”. Дал. Кузнец приуныл. Задумался, на что их можно потратить. Перестал петь».

Кто хоть чуть-чуть знал Черенкова, подтвердит: в этом ответе нет ни капли позерства. Он действительно был такой. «Золотой человек», по выражению Андрея Тихонова, которому повезло пожить с ним в одном номере на базе в Тарасовке в 1993 году – последнем для Федора и первом для Андрея в основном составе «Спартака».

Тремя годами раньше капитан красно-белых Черенков вывел команду на весенний матч в Одессе против местного «Черноморца». Это была вторая игра за красно-белых скромного тогда 21-летнего новичка из воронежского «Факела» Валерия Карпина. «Спартак» проиграл 0:1, и единственный гол был забит из-под дебютанта, которого после игры охватил приступ отчаяния. «Честно говоря, я даже расплакался после матча, – расскажет много лет спустя Карпин. – И тут Федор Черенков, добрая душа, подошел и сказал: “Не плачь, Валера, знаю, что ты нам еще поможешь”. Представляете, что для меня значили эти слова?!»

Вот типичный монолог Черенкова, который после окончания карьеры футболиста жил очень скромно: «В жизни меня все устраивает, всего хватает. Стараюсь работать над собой, избавляться от грехов – к примеру, уныния. Хотя вот пост соблюдать не могу. Наверное, слаб характерен. Надо бороться с чревоугодием, но до конца не получается...»

Покажите нам еще одного идола миллионов, который всерьез назовет себя слабохарактерным.

И который окажется способен вот на какое признание.

Летом 1987 года в матче «Спартак» – «Днепр» после падения Черенкова в чужой штрафной был назначен, мягко говоря, спорный пенальти в ворота гостей, с которого Федор забил свой сотый гол в карьере и вошел в «Клуб Григория Федотова». Спустя 23 года он скажет одному из нас: «Много лет меня мучила совесть из-за сотого гола».

Многие ли люди в нынешнем футболе знают слово «совесть»? Многие ли способны – нет, не сказать так, а даже подумать?

Зато какого греха, куда большего, чем уныние или чревоугодие, у Черенкова точно не было – это зависти. Фрагмент из той же беседы конца «нулевых»: «Знаете, что мне сегодня не нравится? Когда футболистов обвиняют в том, что они много зарабатывают. Разве люди, которые могут заниматься своей профессией всего 10–15 лет, виноваты, что во всем мире люди футбола получают больше, чем представители других специальностей? И психологическое давление на них больше, чем на наше поколение».

И это было сказано в сытые времена, когда девятнадцати-двадцатилетние юнцы, ничего еще футболу не отдавшие, благодаря какой-то жуткой извращенной конъюнктуре уже по полной от него берут. Миллионы евро, спортивные автомобили, частные самолеты. За год эти юнцы зарабатывают больше, чем Федор за всю жизнь. Хотя, с другой стороны, их-то что в том винить – не они же сами себе платят...

Черенков, на котором выросли поколения и который при этом не заработал на жизнь ничего, ни разу в жизни по этому поводу не озлобился. У него, божьего человека, была чистая душа. Он просто радовался за тех, кому хорошо. Не задаваясь вопросами – почему, за что, заслужили ли они это.

* * *

«Феденька, как же ты здорово с двумя разобрался и Сереге пас голевой отдал!»

Эдгар Гесс, казалось, был готов расцеловать Черенкова. Это было 13 июня 2007 года, когда по случаю 50-летнего юбилея Рината Дасаева в «Лужниках» был организован матч сборных звезд СССР и ФИФА.

Скромный любимец красно-белой торсиды от такого комплимента, как всегда, смутился, даже слегка покраснел. И тихо ответил специально приехавшему из Германии на эту игру Гессу, как двадцатью годами ранее: «Да что ты, я ошибался много...»

Прав Гесс – как же это было красиво, когда Черенков в центре поля удивительным финтом оставил в дураках Абеди Пеле с Ули Штиликe, сыграл в «стенку» с Валерием Гладилиным и вывел один на один с Антони Субисарретой Сергея Родионова! Конечно, любимый партнер и лучший друг Федора не мог испортить этот шедевр.

В этой миниатюре, которая развернулась перед нашими глазами, прекрасно и характерно для Черенкова всё – и сам игровой эпизод, и реакция на него главного героя.

Его скромность вошла в легенды. На панихиде по Черенкову в спартаковском манеже на Оленьем Валу один из нас услышал такую историю. В 2009-м проходила юбилейная предновогодняя встреча спартаковских ветеранов. Большинство подъезжало – или их подвозили – на машинах, и чем моложе футболисты – тем более недурных. И вдруг откуда-то из кустов, очень скромно одетый и явно продрогший, вышел Черенков. Кто увидел – изумился: «Федя, тебя никто подвезти не мог?!»

Тот, как всегда, махнул рукой: «Да зачем? Сам дойду...»

Вот так он и жил.

Он, кстати, и официозного обращения по имени-отчеству не очень любил – даже после пятидесяти. «Ничего плохого не вижу, когда незнакомые люди называют меня просто Федей, – рассказывал он. – Гораздо настороженнее воспринимаю, когда ко мне обращаются: “Федор Федорович”. Внутренне я не чувствую себя стариком! Хотя, когда смотрю в зеркало, вижу, что годы берут свое. Но гораздо спокойнее и приятнее, когда меня окликают просто по имени».

Так вот насчет легенд, которые липли к Федору с фантастической охотой. Рассказывали, например, что сдавал Черенков очередной экзамен в Горном институте (учеба в котором тоже отличала его от остальных), а профессор понятия не имел, с кем ведет беседу. Черенков, который выставлять себя напоказ и требовать особых благ не умел, хорошо сдал этот экзамен на общих основаниях. Профессору потом объяснили, какая знаменитость сидела перед ним.

Тот не поверил. Пришлось повести его на футбол. Посмотрел профессор на поле и ошеломленно воскликнул: «Да это студент Черенков!» На что откликнулся сидевший рядом болельщик: «Сам ты, дяденька, студент, а Черенков – профессор!»

Правда ли это? Конечно, нет. Но, как потрясающе выразился однажды в подобном случае, только про себя, Эдуард Стрельцов: «Это не правда. Это бль». И точно – когда один из нас после смерти Федора попросил в социальных сетях людей вспомнить СВОЕГО Черенкова, вскоре получил письмо от болельщика Олега Скворцова: «Учились с Черенковым в одном вузе. Преподаватели приводили его в пример – экзамены сдавал, не пользуясь своим статусом и известностью».

У таких героев, как Черенков, поразительно скромны и поклонники. В конце 2007 года один из нас участвовал в беседе с Черенковым в редакции газеты «Спорт-экспресс». Удивительная аура его личности передалась не только журналистам, но и читателям. Говорилось в интервью и о том, что Черенков ездит на общественном транспорте. Позже знакомый болельщик делился подробностями того, как он провел незабываемые полчаса в забитом автобусе, трясемся от станции метро «Киевская» к малогабаритной черенковской двушке в Кунцево.

Интервью не осталось незамеченным. Вскоре промелькнула информация, что некий обеспеченный человек хочет подарить Черенкову машину. И это произошло. Имени и фамилии дарителя не удалось разыскать ни в одном издании. Поступок, который при желании мог принести этому человеку немало дивидендов с точки зрения известности, был осуществлен в высшей степени скромно. И это в наши-то времена воинственного пиара!

Один из нас решил разыскать этого человека, потому что страна должна знать своих истинных героев. И не смог!

Ни телефона, ни фамилии его не осталось ни у кого, кто имел отношение к процедуре передачи машины. Никаких тебе совместных снимков на фоне автомобиля, никаких «случайно оказавшихся» там телекамер. В XXI веке в такое невозможно поверить. Единственное, что удалось тогда выяснить: машина, обладателем которой стал Черенков, – «десятка» «жигулей». В числе, совпавшем с игровым номером Мастера, трудно было не усмотреть символа.

Спустя время, когда один из авторов этой книги Игорь Рабинер приехал на стадион имени Игоря Нетто делать интервью с Черенковым для другой книги, «Спартакские исповеди», Федор прибыл туда на этой самой «десятке». И после беседы предложил журналисту подвезти его до Преображенки. Тот с гордостью согласился.

* * *

Для легендарного вратаря и футбольного комментатора Владимира Маслаченко неоспоримых авторитетов не существовало. Кумиров он себе не творил. Но однажды сказал: «По индивидуальному мастерству я на первое место среди спартакцев всех времен ставлю Федора Черенкова. Гения с большой буквы, так до конца и не понятого. По чисто футбольным качествам Черенков – это даже не Стрельцов. Это Пеле».

Можно сколько угодно твердить, что тут уж покойный Владимир Никитович хватил лишку, что это гипербола. Но нам в данном случае совершенно безразлично мнение «объективистов». Потому что, как выразился по другому поводу Олег Табаков, любовь не терпит объективности. Может, мы никогда не полюбили бы футбол так, как его любим, если бы не Черенков. И тем более не стали бы сочинять что-то о футболе, если бы нам не захотелось найти слова, достойные описания игры Черенкова.

Мы не имеем права до конца жизни об этом забывать. А если сделаем это, то «объективность» наша будет приравнена к предательству. Предательству своего детства, юности, своей футбольной любви. А потому с удовольствием подпишемся под словами Олега Романцева, который в 2009 году на юбилейном вечере в честь четырех спартаковских чемпионств – 69, 79, 89-го и 99-го годов, представляя три последние, *свои*, команды, воскликнул: «Федя для меня – самый великий игрок мира!»

Недаром слова «Черенков» и «чудеса» начинаются с одной буквы. Федор заставил целое взращенное им поколение болельщиков поверить в то, что футбол – это чудо и праздник. Что это не тяжкая, мрачная ноша мешков с насупленным лицом в конечный пункт «Результат», а живая, веселая игра – та самая, которая начиналась во дворе и которую ни за что нельзя предать, какая бы ставка ни стояла на кону. И ностальгия по его игре не пройдет у нас никогда, ее не заглушишь ни Лео Месси, ни Криштиану Роналду.

Его игра всегда была эталоном чистого, незамутненного восторга от футбола – не случайно пианист и спартаковский болельщик Денис Мацуев по легкости и вдохновению сравнил Черенкова с Фридериком Шопеном. А секрет его искусства крылся в том, что оно происходило из двора – о чем мы уважаемому читателю подробно расскажем. Беда нынешних игроков в том, что они в подавляющем большинстве инкубаторские – рано-рано их отправляют в школы, академии и интернаты, загоняют в рамки, убивают фантазию, учат профессионально, качественно, но... обезличенно.

Как написал одному из нас после смерти Федора болельщик Василий Балканов, Федя десятилетним (!) играл в Сетуни с ними, двадцатилетними. И «раздевал» их иногда по полной программе.

В школу «Спартак» Черенков пришел гораздо позже нынешних детей, в 12 лет. Там, слава богу, тренеры только поощряли его страсть к импровизации, лелеяли его «изюминку». Но она-то уже была! Потому что до того, по собственному признанию, он до ночи гонял мяч во дворе. «Мне очень нравилось именно возиться с мячом, – подчеркивал Федор. – Когда ребята уходили, я оставался один. Мне и одному с мячом было нескучно. Держал мяч стопой как можно дольше на весу. Чеканил, ставил задачу сделать это пятьсот раз подряд. Иногда уже стемнеет, а я все никак до нормы недоберу и домой из-за этого не иду».

Когда в 2014 году Черенкова не стало, а еще свежи в памяти были мрачные впечатления от игры сборной России на чемпионате мира того же года, вспоминался этот рассказ Федора. Рассказ, в котором мяч предстал, по сути, одушевленным предметом, с которым маленький Федя научился разговаривать на каком-то своем, только ему понятном языке. А сегодняшних детей скопом подгоняют под какое-то унифицированное, серое эсперанто.

Мяч был смыслом, главным наполнением его совсем не простой жизни.

«На преддипломной практике в Приэльбрусье общался с горными проходчиками и инженерами. Крепость духа, которую я у них почерпнул, помогала и помогает мне в самые тяжелые моменты», – вспоминал Черенков.

А тяжелых моментов у него ой как хватало. Собственно, вся его жизнь после того психологического срыва, который впервые случился с ним весной 1984 года, – испытание. Которое сам Черенков принимал стоически: «Если болезнь мне дана, то дана для чего-то. Ничего случайного не бывает. И я должен пережить ее – и никогда уже не отходить от заповедей Божьих. И всегда помнить, что добро облагораживает, а зло уничтожает».

Он всегда это помнил. Но болезнь – не пережил...

Один из выдающихся спартаковцев, обладатель Кубка Европы 1960 года Анатолий Крутиков, в разговоре с одним из нас вдруг вытащил откуда-то фотографию Черенкова: «Вот, смотри! Я всегда его любил, и не только за игру, но и за то, что у него проблемы со здоровьем были. Сколько человеку преодолеть пришлось!»

* * *

Вскоре после страшной вести одному из нас звонит друг и коллега. После обмена соболезнованиями говорит: «Есть история. Видел своими глазами. Позвонил тогда в редакцию – не поверили, отмахнулись. Но чем угодно клянусь – правда».

Это было на знаменитом матче Лиги чемпионов «Спартак» – «Арсенал» в 2000 году. Безразличный к футболу охранник в «Лужниках» не пускал Федю – Федю! – на игру. Твердил: «Где билет?» А билета не было. Легенда уже разворачивалась, чтобы уйти. Он никогда не лез в форточку, если не пускали через дверь.

И тут это заметили болельщики. Едва не затоптали охранника. Подхватили Черенкова на руки. И буквально внесли на трибуну.

Быль это или плод фантазии – теперь уже не суть. Раз хотим верить – значит, быль. Вы ведь уже поняли, что к неповторимой личности Черенкова притягивались полулегенды, где правду от мифа с трудом отличишь. Но главное в них – не документальная достоверность, а истина.

Впрочем, наша задача как авторов книги для серии «ЖЗЛ», правила в которой чрезвычайно строги и щепетильны, – оперировать только фактами, а не мифами. Мы сделаем для этого всё возможное. Хотя, если честно, про Федора иной раз хочется поверить и в сказку...

4 октября 2014 года, когда боль еще была невыносима, ее надо было разделить с единомышленниками. Стоило только клич бросить – расскажите о *вашем* Черенкове – истории посыпались десятками.

Вот пишет Сергей Борисов, пресс-офицер УЕФА. Во время Евро-2008 сборная России под руководством Гуса Хиддинка тренировалась в австрийском Леоганге на местном стадиончике, когда Сергей и его коллега услышали приглушенный смущенный голос. Обернулись – Черенков! Тихо-тихо, чуть ли не с готовностью к отказу, мастер спросил, можно ли ему пройти туда, к полю. Просто побыть рядом со скамейкой, с футболистами. Подышать этим таким родным воздухом.

У них замерло дыхание – сам Черенков смиренно просит разрешения подойти поближе к игрокам! В этом – весь Федор...

А вот на призыв реагирует журналист Михаил Евсеев. Пятью-шестью годами ранее Черенков пришел на турнир среди незрячих детей. Михаил подошел к нему за комментарием и вначале заметил: как здорово, что вы находите время посещать и такие турниры. Это так важно для них, этих детей! Федор застеснялся: вот и интервью надо брать у них, настоящих героев. А я кто? Бывший футболист...

Болельщик Максим Большов рассказывает, как на матче спартаковского дубля году в 2010—2011-м Черенков стоял вместе со всеми на стадионе имени Нетто в очереди в буфет. Его, конечно, все узнавали, пытались пропустить вперед. А он не соглашался. Так и отстоял всю очередь до конца.

Еще один болельщик, Еркин Байдаров из Узбекистана, вспоминает, как в начале 80-х «Спартак» приехал в Ташкент – и они, мальчишки, кинулись в гостиницу за автографами. Одна из сотрудниц узнала, что Федор в номере, и повела ватагу пацанов туда – вот времена были! Постучали, услышали голос Черенкова: «Дверь открыта, входите». Входят – и видят Федю, едва вышедшего из душа и завернутого по пояс в полотенце. Улыбнулся, все подписал,

поболтал с ребятами, не выказал и капли недовольства – с какой это стати они к нему в номер нагрянули. И для них поведение Черенкова стало уроком на всю жизнь.

Журналист Александр Лидогостер рассказывает, как когда-то задумал снять о Черенкове фильм к его 40-летию. Тот долго отнекивался: «Да кто я такой? Я же ничего не выиграл. Вот если бы был чемпионом мира...»

Насилу уговорили. В один из съёмочных дней сидели у Федора на кухне. Журналист напомнил ему эпизод из отборочного матча Евро-1984 СССР – Португалия. Черенков, стоя перед полукругом штрафной, получил сильный пас справа. Перед ним самоуверенно возвышались две каланчи – португальские центральные защитники. Черенков принял мяч на «шведку» правой ноги – да так, что этим же касанием по дуге перебросил мяч через защитников. А сам тут же прошмыгнул в зазор между ними. Пока они разворачивались, Федя принял отданный самому себе пас – и, не опуская мяча на землю, грохнул что есть силы... в перекладину. Был бы гол – его крутили бы годами.

Услышав это, Черенков вскочил со стула. Его глаза загорелись, и он начал изображать, как именно он это делал. Это была удивительная память тела. Прошедшая сквозь годы.

Денег на фильм, кстати, в итоге не хватило. Пятиминутный ролик вышел на ТВ – и только. Обычная для нашей неблагодарной страны история. На мишуру и фальшь денег почему-то хватает всегда...

В Мадриде, узнав о смерти Альфредо ди Стефано, объявляют национальный траур и снимают с телеэфира все развлекательные программы.

А у нас умирает Черенков, включаешь телевизор – а оттуда кривляется Боря Моисеев.

* * *

...Голос у Георгия Ярцева дрогнул, а в зале установилась тишина, от которой можно было оглохнуть. Казалось, на мгновение даже перестал раскачиваться по волнам Москвы-реки плавающий ресторан, где проходил вечер первой годовщины памяти Черенкова. Каждый вспоминал человека, истории с которым у всех связаны разные, а суть – одна.

«Иногда мы, ветераны, с умышленным опозданием отдавали Феде полагавшиеся ему премиальные, – рассказывал Ярцев. – Потому что если он их получал сразу после выездной победы, то выходил из поезда и на вокзале раздавал все деньги бедным людям. Как выяснилось, такое случалось не раз».

Проняло и от рассказа Олега Романцева. Перед возвращением из ФРГ он на правах капитана «Спартака» спрашивал у игроков, какие сувениры они купили домой на те копеечные суточные, которые нашим футболистам тогда выдавали за границей.

А сам Романцев играл в том турне с травмой. «Ты что-нибудь купил домой, Федя?» – спросил он Черенкова. «Купил». – «Что?» – «Две повязки для тебя, Олег. Я же вижу, как тебе больно...»

А теперь больно всем нам. Оттого, что так хрупок оказался наш кумир, оттого, что не уберегли его и жизнь отмерила народному футболисту всего 55.

И теперь оставалось только ловить на лету воспоминания. Вот оперный певец Николай Семенов, солист Большого театра и добрый знакомый Черенкова, анонсирует со сцены любимую, по его словам, песню футболиста – «Белые крылья» Валерия Ободзинского, а затем волшебным образом ее исполняет. Но Вагизу Хидиятуллину есть что возразить – не громко, а так, чтобы слышал только стол, за которым вместе с бывшими партнерами Черенкова был один из нас: «Любимой песней Федора был “Плот” Юрия Лозы». И Ринат Дасаев подтверждает: «Да, у них с Радиком (Сергеем Родионовым. – В. Г., И. Р.) более любимой, чем “Плот”, не было...»

Тот день подарил одному из нас знакомство с родными для Федора людьми – его младшим братом, зубным техником Виталием, и дочкой Анастасией. И черты лица, и мягкие инто-

нации речи брата – точь-в-точь Федины. А Настя – такая же солнечная, добрая, щедрая и застенчивая, как отец. Нужно было видеть, как она волновалась, когда на той годовщине подходила к микрофону говорить слова благодарности за память о папе.

Огромная им благодарность, что вместе с мамой Насти, первой женой Черенкова Ольгой три часа делились с нами бесценными воспоминаниями о нем специально для этой книги. Много часов уделили нам и вторая жена Федора Ирина Федосеева, и Сергей Родионов, и Сергей Шавло, и одноклассник Федора Александр Беляев, и Александр Беленков, с которым они много лет вместе занимались в спартаковской школе у олимпийского чемпиона Анатолия Масленкина, и однокурсник Черенкова по Горному институту Алексей Абрамов, и известный спартаковский болельщик Альберт Ермаков, и старый фотограф Федор Кисляков, получивший с плеч своего тезки куртку, и многие, многие другие.

Каждый из них знает и рассказывает о Черенкове много такого, что неведомо больше никому. И наш долг – разузнать и рассказать читателю как можно больше. Ведь это счастье – писать о любимом нами человеке, который жил не в далеком прошлом, а только что. И есть – и еще долго будет – много родных и близких людей, которые готовы делиться историями о нем. Каждая из которых – бесценна.

Но тут есть и опасная этическая грань, которую, по нашему убеждению, нельзя перейти. Эта грань связана с непростыми деталями его болезни, личной жизни, последних лет на белом свете.

Мы и при общении с нашими собеседниками, каким бы долгим и искренним оно ни было, чувствовали: каждый из них определенных вещей недоговаривает. И в такие минуты мы не давили, не использовали знакомые нам журналистские и психологические приемы, чтобы «расколоть» людей, искренне любящих Федора.

Потому что любим его и мы.

И нам, безусловно желающим узнать истину обо всем, что происходило в его жизни, меньше всего хочется педалировать шокирующие ее моменты. Тема Черенкова – это вам не Кокорин с Мамаевым. Она не терпит желтизны, грязи, суеты.

Румяных сказок, как выразился бы Довлатов, впрочем, не терпит тоже. А терпит – правду и реальность, замешенные, однако, на любви и уважении. Вот этот баланс мы и постараемся соблюсти, сделав попытку рассказать болельщику о синусоиде черенковской судьбы много такого, чего он не знал. И устами самых близких его людей, и погрузившись в океан газетных архивов и черно-белых (в основном) видеозаписей.

«Не хочу быть злым. Хочу быть добрым, – со своей неповторимой, трогательной наивностью говорил Черенков за десять лет до своего ухода. – Может, поэтому и не стал тренером. Тренеру нужно иногда обязательно повышать голос и что-то требовать от футболистов». Да, тренировать ему на протяжении длительного времени было не суждено, но как же хорошо и правильно, что по просьбе ветеранов «Спартака» в его честь была прижизненно названа футбольная академия красно-белых.

Детишкам, которые в ней учатся, наверняка интересно – каким он был, этот человек с грустными глазами и отчего-то виноватой, совсем не ослепительной и не победоносной улыбкой. Их, этих взгляда и улыбки, так не хватает памятнику Федору у спартаковского стадиона, наспех слепленному модным, но совершенно равнодушным и подчеркнуто не хотевшим ничего о нем знать скульптором...

Может, в отличие от него, детям из спартаковской академии – по крайней мере старшим – будет полезно прочитать эту книгу. Книгу о человеке, которого в будний зябкий день пришли провожать в последнюю дорогу 15 тысяч человек, и далеко не только в спартаковских шарфах. Глядя на это разноцветье, ты понимал, насколько точное это все-таки определение – «народный футболист».

Каждый год 4 октября лучший друг Черенкова Сергей Родионов, еще недавно генеральный, а ныне спортивный директор «Спартака», приводит детей из академии на Троекуровское кладбище. Они кладут к могиле Федора Федоровича (для них-то он точно – по имени-отчеству) цветы и слушают рассказы о Черенкове.

Иной раз – не только от Родионова, но и от находящихся в этот момент у могилы старых спартаковских болельщиков. Как на наших глазах это происходило в день памяти Федора в 2018 году. И такой пыл, такое обожание слышались в речи одного из них, Альберта Ермакова, что у мальчишек загорались глаза от любопытства. Это каким же человеком надо было быть, чтобы после его смерти о нем рассказывали с таким огнем и такой любовью?

Феде и без сборной хорошо.

Ну а сборной – не всегда без Феде!

Вновь вспоминаем эти шаферановские строки – и накатывает грусть. Потому что, по правде говоря, Феде в этой жизни было далеко не так хорошо, как он того заслужил.

Если *другая* жизнь все-таки существует – в ней Черенков наверняка обрел тот душевный покой, которого ему роковым образом так не хватало здесь.

А нам остается помнить. И нести эту память сквозь годы так, как мы, люди пишущие, только и можем, и обязаны – добрыми и правдивыми строками о нем.

О народном футболисте Федоре Черенкове.

Глава 1

Детство в другой Москве

Федор Черенков родился 25 июля 1959 года в Москве. А не в городе Ефремове Тульской области, как гласит легенда. В Ефремове жила его тетья, сестра мамы, девичья фамилия которой – Венедиктова. И Федя каждое лето отправлялся к ней во время школьных каникул. Потом, когда повзрослел, он с удовольствием приезжал на футбольный турнир, который организовывали в его честь.

По отцу Черенковы – тамбовские. Крестный Федора, опять же родной дядя, но по папиной линии, жил еще в 70-х в деревне неподалеку от тогдашней московской окраины Кунцево, и к нему Федор с младшим братом Виталием мог спокойно прийти в гости. Там и поле имелось картофельное, и пруд. «Дядька жил прямо на берегу этого пруда, – вспоминает Виталий. – И у него были такие садки».

Садки – это небольшие прочные сети. Туда дядя Вася набирал соленых баранок, которые оставались от вкусивших пива земляков (к началу 70-х хмельных «стекляшек» и впрямь хватало), после чего и опускал коварную наживку в родной водоем. «Вечером, – продолжает Виталий, – этот садок поднимал и карасей, которые туда набивались, пересыпал в колодец старый. И опять баранки насыпал и бросал. Мы ходили с отцом и Федором к дяде Васе. Если, допустим, его нет, опускаем ведро в колодец, поднимаем. Было строго полведра карасей... И шли домой. Историческая зарисовка такая. Я школьник, жили мы уже на Вяземской».

Таким образом, Черенков – москвич из Кунцева. Район своеобразный. Не центр с его теснотой и загазованностью. И не так называемые новостройки 70-х, где, к сожалению, всё одинаково.

Мы в Кунцево съездили. Одноклассник Федора Федоровича, кандидат в мастера спорта по легкой атлетике Александр Беляев объяснил, что так называемый 95-й квартал был окружен разнообразными советскими рабочими структурами. И фабрика, что иголки выпускала, и завод ВИЛС (занимался силовыми трансформаторами и многим другим), и кожевенное предприятие принуждали жить так, как отцы и деды жили. Особенно в последние полвека.

Вот же – работа у тебя есть. И иди, трудись на один из заводов. Или, например, на фабрику. Чем плохо? Хороший работник везде ценен и нужен. Например, отец, Федор Егорович, был фрезеровщиком как раз на ВИЛСе, а мама, Александра Максимовна, трудилась на кожевенной фабрике. Хотя эта много повидавшая и чудом выжившая в 41-м (фашисты, уходя, хотели уничтожить всех, но часть детей укрылась под обрывом, во впадине: туда пули не дошли) женщина затем и в местном ЖЭК № 15 подрабатывала обычной уборщицей.

Нам видится, что Черенкову Федору помогли не только люди, его окружавшие, но и замечательное Кунцево. Ибо и до сих пор – это райский уголок столицы. Вы можете себе представить посреди Москвы десятки яблок, лежащих на дорожке школы? А школу, где учился Федор, окружает парк. Чуть ниже – длиннющий пруд, где всё еще плавают деловитые утки.

Мы спросили Александра Беляева, как там было в советские времена с человеческим купанием. Достойный, безусловно, ответ получили: табличка о запрете висела. Но купались все! Младший брат замечательного футболиста Виталий подтвердил: «Купались. В салочки играли. А еще Федор меня приучил к рыбалке. Помню, в тот период не было у нас рыбы бычок. Зато были карась и щука. Благородная рыба была в том пруду!»

Нам-то всё одно: что бычок, что карась, что карп, что та же щука в консервах. А те ребята еще в начале 70-х отличали, ловили эту самую рыбу и учили молодежь. При этом фото скромно и с достоинством рыбака Яшина найти можно и сегодня. Но чтобы Черенков сидел с удочкой?! Однако и здесь мы от истины не отступаем. «Но иногда мы спускались вниз, – продолжал

Виталий, – и я помню, как ребята жгли костры, делали лунки и рукой вытаскивали щук. Одну, помню, вытащили, и я думаю: “Какая здоровая!” Парень довольный прикладывал: “Смотри, в ногу размер!”».

А уже потом объявились те самые бычки, с которыми благородной рыбе никак не сойтись. Благородные в этой борьбе и вымерли – так часто и не только с рыбой бывает. Да и пруд тиной подзатянулся.

Возвращаясь в то незамутненное Кунцево начала 70-х, мы должны сообщить: Черенков мог стать и музыкантом. По крайней мере, он играл в школьном ансамбле. На ударных – коробках каких-то, барабана пионерском, тарелочках. Маленького Виталика прогоняли, чтобы не мешал (а он все одно лез: тоже ведь Черенков!). Девчонок, естественно, также не пускали. Потому что для кого тогда музыка, как не для них? И зачем им, женщинам, слушать некое «сырье»? Когда не готово, не отрепетировано, не выстрадано. Вот будет 8 Марта или там Новый год – тогда и услышишь.

«Под кого» играли эти мальчишки середины 70-х, в общем, понятно. Слава богу, что вообще играли! Далеко не во всех школах позволялись такие вот ансамбли. Тут же явно английское влияние. «Битлы» там всякие волосатые... Как-то быстро забыли, что «ливерпульскую четверку» в нашем государстве не сразу приняли и полюбили. Разные были, признаемся, оценки. Вплоть до середины 80-х.

Черенков и стихи писал. Правда, редко. А вот пел и по ударным стучал – точно для нее. Для Оли.

Они же одноклассники. И соседи. Так сказать, роман завязался незаметно. И компания у них общая была. В том смысле, что и еще одна юная пара наслаждалась кунцевскими веснами. Дело молодое.

Ольга Владимировна рассказывала нам, как они общались с Федей.

Дома-то напротив. И окна. Там свечечка – и здесь в ответ огонечек... Может, сбежимся? Правда, это уже перед свадьбой было.

Федор рос в особой атмосфере. Все всех знают: тогда же пятиэтажки были. Москва – большая деревня? Где-то и так. Даже маленькие огородики у них между домами существовали. А папа, Федор Егорович, мог заночевать в теплое время на улице, прямо под окнами. Почему нет, коли дождя не обещали? Одно время, когда на первом этаже жили, даже погреб имелся, где хранилась капуста. Которую затем мама с отцом переносили в ванную и безжалостно рубили вдвоем острыми ножами. Чтобы потом мастерски засолить.

А еще Виталий вспоминал: «У нас все свитера, зимние носки и варежки были связаны мамой. У нее была даже прялка (деревянная, ножная), и мы с братом помогали ей прясть нить». Есть фотография, где Федя с братиком в совершенно одинаковых свитерах сидят. И это тоже во многом по-деревенски или по-старомосковски: стоит рассчитывать на собственные ресурсы. Потому что и об экономии думалось. Сколько хорошие покупные вещи-то стоили?

С другой стороны, пятиэтажка с вроде бы отдельной квартирой – чистая формальность. Так как в другой комнате жила соседка. Соответственно, кухня общая, с двумя столиками. Но Черенковы-то обитали на своей жилплощади впятером: папа, мама, Федя с Виталиком и бабушка на раскладушке. Да так у многих было.

Федор Егорович соорудил на дверь щеколду. Которая тем не менее, по воспоминаниям домочадцев, не работала. Думается, не очень-то и хотелось от соседей запирается. Это ведь не нынешнее время видеодомофонов, дополнительных железных дверей и... всеобщей закрытости и недоверия друг к другу.

Об отце Федора нужно сказать особо. Его вспоминают как человека строгого, даже сурового. Александр Беляев упоминал о его зычном голосе, которым он вещал сыновьям нечто весомое. Хотя особых претензий предъявить им не мог – ввиду отсутствия оснований. Так сказать, жесткость «про запас», на всякий случай.

Отец семейства был страстным болельщиком. И «Спартака», и сборной СССР. А теле-трансляции шли поздно. И вот, рассказывал нам Виталий Черенков, папа смотрел телевизор стоя – боялся заснуть. И хотя завтра рабочий день, досматривал.

В 2010 году Федор Федорович рассказывал одному из нас для книги «Спартаковские исповеди»:

«Я начал болеть за “Спартак” с шести лет, когда отец, спартаковский болельщик, сводил меня на матч с киевским “Динамо”. Помню, что “Спартак” проиграл – 0:2. Но был полный стадион, и зрелище для меня, мальчишки, неповторимое. Голы забили как раз в те ворота, за которыми сидели мы. Конечно, расстроились. Но я получил от игры столько эмоций, что начал постоянно ходить на матчи с отцом. Моими кумирами стали спартаковцы 60-х – 70-х – Кавазашвили, Логофет, Киселев, Папаев, Калинов, Хусаинов, Ловчев, Осянин, Абрамов, Силагадзе...»

Этот матч, несложно выяснить, состоялся 28 августа 1965 года в «Лужниках». Блестящая команда Виктора Маслова переиграла красно-белых благодаря голам Базилевича и Серебряникова. А из вышеперечисленных кумиров весь матч отыграл один «железный» Галимзян Хусаинов. Однако маленький шестилетний Федя навсегда после того поражения полюбил московский «Спартак». Как тут не оценить родительское влияние?!

Зимой ребята играли в хоккей. Для чего, нетрудно понять, были необходимы клюшки. По идее, данный инвентарь покупали в магазине. Однако все это «хозяйство» надо и до ума довести. Виталий Черенков вспоминал о тех клюшках: «Они их в бидоне кипятили, потом на горячей батарее загибали, обматывали стеклотканью и эпоксидкой. Смотрели, как загнуть. Целая история. Всей тусовкой, из квартиры в квартиру ходили. Родители спрашивали: “Чем занимаешься?” Отец мог и помочь».

Главное Виталий Федорович правильно сформулировал: «Всей тусовкой ходили!» А первая жена Федора, Ольга Владимировна, добавила: «Все были родные вокруг. Сейчас такого нет. Другая Москва. Люди другие».

Известно, что Федор Егорович с удовольствием наблюдал за игрой старшего сына. Который на тот момент еще не достиг сияющих вершин, однако в Кунцеве уже завоевал известность. Одноклассник Федора Александр Беляев показывал нам место отца, с которого тот смотрел на стадионе за действиями талантливого наследника, – и все его зычный голос узнавали.

Вот мы незаметно и к стадиону перешли. А что ж, к 1968 году это был фактически стадион при школе. С беговыми дорожками, ровным полем. Да, красным гаревым и без ворот, как подтвердил Беляев. Ну и что? Ворота ребяташки того или близких к тому поколений могли и из портфелей соорудить. Но вот приличной «поляны» в других школах чаще всего не было. Поэтому носились на асфальте и прямо под ногами взрослых.

В Кунцеве же соорудили, считай, арену. Там же неподалеку и лыжные нормативы зимой сдавали, хотя многие столичные школьники отправлялись для этого в Сокольники или Измайлово.

Но начать, по совести, нужно вообще с самой школы.

811-ю открыли как раз в 1968-м. А первые два года Федор отучился в школе № 239. «Почему нас перевели? – разъяснял Беляев. – Потому что построили новую школу, и наши дома по Вяземской улице (он жил в 22-м доме, я в 18-м) находились от старой школы на другой стороне. Чтобы не водить детей через дорогу, все те дома, которые находились на четной стороне Вяземской улицы, отошли к 811-й школе».

Хрущевскую пятиэтажку № 22 по Вяземской снесли в 2009 году, поэтому установить мемориальную доску, где сообщалось бы, что здесь жил замечательный футболист и человек, невозможно. Что же касается школьного здания, то здесь есть позитив. Директор сравнительно недавно образованного территориального объединения Илья Ильич Морозов полностью согласился с такой инициативой (благодаря ему, кстати, мы и в аттестат зрелости Федора смогли

заглянуть, и оценки его итоговые узнать). Процесс, что называется, пошел, и память Черенкова, судя по всему, и на входной двери в школу, и в самой школе будет увековечена.

Федору, похоже, повезло не только со школой, но и с учителями.

Физкультуру ему преподавала Елена Александровна Маркина. Вновь дадим слово Александру Беляеву: «Женщина была с большой душой. Большое ей человеческое спасибо. Она воспитала из нас настоящих, нормальных людей. Отдавала нам всю душу. Не только тем, кто преуспевал в ее нормативах, а всем. Нам посчастливилось быть с ней вместе».

О многих ли учителях физкультуры говорят подобное? Кстати, школьный стадион – во многом результат ее энтузиазма. А если бы стадиона этого не было – как знать, смог бы Федя отточить ту технику, которая потом годами будет ставить в тупик самых матерых соперников?..

У Елены Александровны не было своих детей; она и единственную свою собственность – квартиру – в итоге «отписала» ученику, который ей много лет помогал (не Черенкову, конечно). Причем одинокая учительница, занимаясь рутинной работой, каждодневно общаясь с теми, кто «по жизни» не любил бегать, прыгать, отжиматься, подтягиваться, а также вообще ударять пальцем о палец, – в то же время и «большое видела на расстоянии». То есть прекрасно понимала, с кем имеет дело, если рассуждать о настоящем даровании. Тот же Беляев стал кандидатом в мастера спорта исключительно благодаря преподавательнице физической культуры. Тогда же детские тренеры ходили по школам, искали, высматривали таланты. А паренька или девчонку, на что-то способных, мог порекомендовать лишь знающий физрук!

Было ли так с Федором? Не совсем.

Начать надо с того, что на физкультуру на каждый урок он приходил в глаженных трусах. Конечно, это вряд ли его заслуга: старалась, видимо, мама Александра Максимовна. Однако все равно, как говорится, – «внушает». К тому же в классе долгое время он был самым маленьким по росту.

При этом занимался он даже лучше «больших». Саша Беляев специализировался на спринтерских дистанциях. Так вот: 60 метров они бегали с переменным успехом. То один обгонит, то другой. Федя парадоксальным образом радовался успеху «конкурента»: «Это ты молодец, Саша, что меня сегодня победил». Да и при победе не слишком ликовал. Как у Пастернака: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать».

Он и во взрослой карьере останется таким же – за других будет радоваться намного больше, чем за себя. Обведет троих, отдаст партнеру на пустые ворота – а похвалы не захочет и слушать: «Это же он забил, а не я!»

Потихоньку осваивал Черенков и футбол. Уже к пятому классу стало ясно: растет мальчишка-то!

Они вдвоем с Алешей Панченко, который годом старше (этот человек плачет и на фотографии с прощального матча Федора в газете «Спорт-экспресс», и на видеозаписи, которую можно посмотреть в музее «Спартак» на «Открытие Арене»), на том красном гаревом покрытии могли раскатать кого угодно. И качество, и количество противника особого значения не имели. Трудно поверить, но маленький Федя прилично играл и в баскетбол. За счет чего? Так голову надо включать! Низкорослым никто не запрещал поражать кольцо. Или, например, вовремя пасовать.

Ну а как учился будущий любимец трибун? Нормально. Но не блестяще. Тяготел к точным наукам – математике, физике. При этом и литературу уважал, стихи учил. Не жаловались на него. И он, между прочим, не жаловался, когда серьезно спортом стал заниматься. А ведь в какой-то момент мог бы и попросить реальной поблажки. И, возможно, добиться ее. Он и за родной ЖЭК № 15 будет играть. И за «Спартак» уже вовсю.

А вот ни разу не попросил. Ничего. И смотрелся лучше многих. Беляев вспомнил, как списывал у Федора на математике контрольные. Черенков никогда не отказывал в такой специфической услуге.

Бесспорно, это не пример для подражания. Но все-таки не Черенков списывал-то! Наоборот, проявлял душевную щедрость, столь ему всю жизнь свойственную.

Благодаря содействию нынешнего директора школы Ильи Морозова нам, как уже упоминалось, удалось заглянуть в аттестат зрелости Федора Черенкова. Да, поведение – «примерное», что встречалось далеко не у всех (судя хотя бы по соседям по списку). Да, знатная «пятерка» по алгебре, что в советской школе – результат, заслуживающий немалого уважения. Однако «тройки» по русскому языку, английскому, литературе, химии (всего их шесть) вроде далеко не радуют.

Верно. Однако никакого противоречия здесь нет. Ведь Александр Владимирович Беляев покинул школу после восьмого класса, поступив в техникум. Девятый и десятый прошли без него. Кое-что, конечно, изменилось. Ибо с каждым месяцем, даже днем, Федор становился футбольным профессионалом. Которому все труднее будет совмещать «алгебру с гармонией».

Но он-то тем не менее совместил! И средний балл у него (а такое существовало у советских выпускников) выйдет «четверочным». Совершенно то есть приличным, учитывая, что он не переходил на домашнее или какое-то другое специальное обучение.

Пока все же чуть больше внимания уделим спортивным делам. В ту пору весной и осенью (летом люди на дачах) играли в футбол, зимой – в хоккей. Для чего необходимо, как вы понимаете, залить лед. Так вот: заливали сами. И на упомянутом пруду, и на школьном поле. Правда, у них в Кунцеве, по свидетельству Виталия Черенкова, был популярен и футбол на льду: мол, динамики больше, обводка лучше удаётся, и вообще жизнь как-то веселее.

Авторы данной книги также по юным годам участвовали в подобной забаве. Но изредка. Потому что можно было упасть и получить серьезную травму. Но то же Кунцево! Здесь радостная страсть побеждает всё. Наверное, в таких районах и закаляются настоящие мастера.

Ведь Федор увлекся одновременно и футболом, и хоккеем. «Первым стадионом для меня стал длинный коридор старой коммунальной квартиры, – рассказывал он С. Лескову. – С двух лет отец привязывал к моим валенкам коньки, помогал ходить, а потом бегать по полу. Тут же, в коридоре, учился жонглировать маленьким мячом. После этого двор мне казался просто огромным – только играй и радуйся!» («Комсомольская правда» от 11 декабря 1983 года).

В игре с шайбой Федор действовал в нападении, демонстрируя и технику, и настырность. Когда ездил в Сокольники (а это другой конец Москвы, считай, другой город!), его за огромной сумкой с амуницией едва замечали.

Почему победил футбол? Главное, конечно, в том, что отцу и матери стало понятно: возможен ущерб учебе. Кроме того, Федор Егорович, обожавший обе игры и страстно желавший наследнику успеха, понял в какой-то момент: всё совместить нельзя. Тем более у сына реальные успехи пошли как раз в футболе.

Дело в том, что Федя стал выступать за местную (это важно: ехать никуда не надо) команду ЖЭК № 15. То был детский турнир клуба «Кожаный мяч».

Это замечательное действо останется в памяти у любого, кто в нем участвовал. Мальчишки через игру и состязание потихонечку учились профессионализму. Дошло до того, что центральные поединки республиканских команд (а дело-то союзное!) стали показывать по телевизору. Но как только ставки выросли, пошли, что греха таить, «подставы». Ребят старшего возраста начали вводить в состав под чужими именами, и воспитанники клубных команд стали принимать участие в изначально любительском турнире.

ЖЭК № 15 тоже не выдержал. Заявил мальчугана не того года рождения. Федю Черенкова, который на целых два года был... младше одноклубников! Такой вот подлог по-кунцевски. «Но у меня получалось, – рассказывал Федор С. Лескову, – неплохо водил мяч, точно бил по воротам. Доверили самое желанное для любого мальчишки место центрфорварда. Дали футболку под номером 10, с которой не расстаюсь и сейчас. Забил в том турнире несколько голов».

В том интервью зимы 83-го журналист очень хотел узнать про первый «официальный» гол. И добился своего: «Играли на стадионе “Малыш”. Заметил, что вратарь у соперников никак не может допрыгнуть до перекладины, и все время старался перебросить через него мяч. За пять минут до конца это удалось. Гол оказался решающим. С тех пор всегда стараюсь повнимательнее присматриваться к недостаткам вратарей».

Тему голкиперов, а также честных и нечестных детских матчей мы внимательно рассмотрим в следующей главе. А пока давайте раз и навсегда развеем миф о том, что Федор порой прощал в силу какого-то сверхъестественного великодушия ошибки противнику. Этого не было и быть не могло. Он всегда играл в команде и за команду. По правилам, по совести – но исключительно за своих.

После того турнира Михаил Мухортов и пригласил Федора в СДЮСШОР «Кунцево». Последние буквы в названии детско-юношеской спортивной школы означают: «олимпийского резерва». Государственный, в сущности, уровень.

Так кем был первый профессиональный тренер Черенкова?

Формально в качестве футболиста Мухортов не слишком заметен. Дубль «Спартака» в 46-м без матчей за основу. 48-й год – четыре мяча за «Локомотив». Но вот четыре матча и один гол за основу ЦДКА 1949-го – это нечто! И пусть никто не ссылается на травмы Григория Федотова или Всеволода Боброва. Армейцы в то время – сила непреложная, с замечательным глубоким составом.

Задержаться на таком уровне не удалось не одному Мухортову. Далее он выступал в основном за молдаван, которые то приходили в высший дивизион, то вновь из него вылетали. Конечно, регулярнее всего Михаил Иванович забивал в классе «Б». Но когда кишиневский «Буревестник» в 1956-м снова поднялся в элиту, настрелять за такую команду 7 мячей в 18 матчах – просто отлично.

То есть учителем Федора был умелый, много чего испытывавший форвард. Он с удовольствием взял небольшого роста технаря в футбольную секцию и определил его... опять к парням 57-го года рождения.

Где-то к четырнадцати годам было покончено с хоккеем. Потому что футбол начал становиться профессией.

Отец повез его на смотрины в ФШМ (Футбольную школу молодежи), где сын успешно выдержал просмотр. «А после просмотра, – объяснял он журналисту Александру Вайнштейну, – мне выдали анкету, велели ее заполнить и принести на первую тренировку. Не помню, какие в ней были вопросы, помню только, что всю обратную дорогу домой боялся ее помять. Как оказалось, зря боялся... Михаил Иванович Мухортов, наш тренер, знал, что я болею за “Спартак”. И, услышав, что меня приняли в ФШМ, позвонил Анатолию Евстигнеевичу Масленкину. Пришлось отцу взять меня на очередной просмотр в Сокольники, на Ширяевку. А непомытую анкету я порвал еще раньше, прямо во дворе, как только мне про “Спартак” сказали...» («Футбол-Хоккей» от 1 мая 1983 года).

О «Спартаке» подробно расскажем в следующей главе. Сейчас же нужно окончить рассказ о детстве. Которое, безусловно, у каждого свое. И часто бывает трудно определить, когда оно, такое счастливое и безоблачное, закончилось.

У Черенкова все вышло графически четко и необратимо.

Но сначала все-таки еще раз про любовь. Иногда она приходит в школьном возрасте. Чаще вскоре уходит – но, случается, остается. У нас – второй случай.

Оля Хлюстова и Ира Ченцова сидели за одной партой и – если посмотреть фотографии тех лет – позади Феди. Потому они его чаще видели, чем он их. «Они Феденьку обласкивали такой женской нежностью...» – высказал свое мнение Александр Беляев.

Ольга смотрела на этого маленького росточком, удивительно добродушного и талантливого мальчугана и сперва прониклась к нему симпатией. А повзрослее стали – и он просил ее портфель до дома донести. Хотя там идти-то всего ничего.

Подружки застрекотали: «Не видишь, что он влюблен в тебя?» Ольга поначалу искренне не понимала: «Да ладно, компания и компания».

Но потом и она поняла: тут все всерьез.

«Все началось уже в институте. На первом курсе», – рассказала она нам. Однако компания, где сформировалась и вторая супружеская пара из их класса, с удовольствием проводила время эдаким квартетом уже под конец школьного обучения. Так, после выпускного вечера ребята дружно отправились гулять: ни о каких пароходах тогда никто и не заикался.

Отметили вечер в школе и «пошли по округе», как точно выразилась Ольга Владимировна: «Благо нам было, куда пойти погулять. Перешли через МКАД, а там березы... В Кунцево это рядом». Да уж, там исключительная нашенская красота, подтвердим мы. И сейчас-то погулять тянет. А 40 лет назад – и подавно. Еще и из-за этого не хотелось возвращаться. К тому же, не забудем, это все-таки пары! Им бы пообщаться без лишних глаз.

Словом, вернулись под утро.

И узнали, что умер Федор Егорович Черенков.

Умер на лавочке, рядом с домом. Ту лавочку он мастерил своими руками. Возле деревьев, теми же руками посаженных. Умер, на этот раз не дождавшись сына, за которого всегда столь страстно болел и которого невыразимо любил.

Сердце. Оно у всякого может отказать. А уж тогда о профилактике – прав Беляев – никто не думал. И человека не стало в 41 год.

Так окончилось детство Федора. Ему было почти 17. Он нормально окончил школу, вскоре поступит в институт. Он давно уже в системе «Спартака» и подает надежды. Рядом с ним девушка, которая позже станет матерью его дочери. Не забудем и про Александру Максимовну, всегда заботливую и деликатную.

Но не стало главы семьи. Он был непререкаемым авторитетом для близких. Теперь за старшего мужчину остался Федор. И в скором времени ему придется стать основным кормильцем семьи. Для чего обязательно нужно было себя проявить в «Спартаке».

«Когда я уже играл в основном составе, после окончания очередного сезона в отпуске вспоминал его и думал: может, если бы папа это видел, то был бы рад. Потому что болел за “Спартак”, а я играю за его любимый клуб», – признавался Федор в 2010 году в беседе для книги «Спартаковские исповеди».

Жестокая жизнь заставила Черенкова вмиг повзрослеть.

Впрочем, он и бесплатно играл бы за красно-белых. В память о Федоре Егоровиче. Страстном спартаковском болельщике, который привил любовь к «Спартаку» и сыну.

Любовь до гроба.

Глава 2

«Спартак». Первое «золото»

Итак, анкету для ФШМ Федор решительно порвал. Потому что, мы помним, с детских лет болел за красно-белых, а уж играть за них было мечтой – до поры, казалось, несбыточной. И вдруг – вот она, футболка любимой команды с горизонтальным ромбиком и перечеркнутой буквой «С» внутри его.

Словно в популярной песне Юрия Антонова: «мечта сбывается»! В 12 лет Черенков становится спартаковцем. И останется им навсегда.

Наставниками Федора в спартаковской СДЮШОР стали Анатолий Масленкин и Владимир Чернышев. Удобнее, думается, начать со второго, потому что о Владимире Игнатьевиче большинство любителей футбола вообще ничего не знают. А между тем это известный в 50-е годы голкипер, двукратный чемпион Советского Союза (1952, 1953) в составе столичного «Спартака».

Не слишком известен Чернышев... из-за ампула. Все-таки богата наша страна вратарями, и в начале 50-х блистал ленинградец Леонид Иванов, продолжали выступать армеец Владимир Никаноров и динамовец Алексей Хомич. В 53-м и Лев Яшин в основу вернулся. Вот и подзабыли за такими громкими именами спартаковского стража ворот. А налицо еще одна причина вспомнить. Хотя бы оттого, что Черенков буквально о каждом из своих тренеров отзывался необыкновенно тепло.

Если же говорить непосредственно о вкладе Владимира Игнатьевича в процесс становления замечательного футболиста, то высказывалось следующее предположение: старый голкипер советовал, как переиграть воротчика соперника в конкретной игре. Ведь и выход один на один надо суметь реализовать, потому что у каждой из сторон в образовавшейся «дуэли» имеются свои козыри и хитрости.

Данная гипотеза безусловных доказательств не имеет, однако выглядит вполне вероятной и логичной.

А вот Анатолия Масленкина народ, безусловно, знает. Как-никак оплот обороны «Спартака» и сборной страны 50-х – начала 60-х. Перед нами не просто олимпийский чемпион-56 и обладатель Кубка Европы 1960 года, но и футболист, отыгравший в обоих финалах – и в Мельбурне, и в Париже. Таковых на всю державу еще двое: Лев Яшин и Игорь Нетто. Кроме того, Анатолий Евстигнеевич – трехкратный золотой призер первенств СССР (1956, 1958, 1962) в составе «Спартака». С ним же в 1958-м и 1963-м брал Кубок страны.

А ведь это только титулы. Волевая победа 3:2 над действующими на тот момент чемпионами мира, западными немцами, в 1955 году не принесла никаких медалей. Но тот поединок на «Динамо» товарищеским только числится. Ибо ничего важнее то поколение болельщиков не помнит. А в историю нашего футбола та честная и красивая игра вошла и благодаря голу Масленкина, сравнявшего счет на 69-й минуте.

Начинал он в полузащите. Центром обороны его уже в «Спартаке» определили. При этом качеств хавбека защитник не утерял. Вот и в легендарном олимпийском финале 1956 года Анатолий вновь вышел в центре поля в паре с тем же Нетто.

В книге «Футбол – только ли игра?» Никита Симонян констатировал: «Анатолий Масленкин был универсальным футболистом с хорошим игровым вкусом, с позиционным чутьем... Был уверен в себе и мог играть на любой позиции».

Тут-то и вспоминается, как Черенков, уже перешагнув 50-летний юбилей, сказал о себе: «Я был универсальным хавбеком». Такая универсальность совершенно точно не закладывается генетически. Однако подобным вещам можно научить в детстве. И, мы знаем доподлинно,

Масленкин обратил особенное внимание на этого шуленького мальчишку и придумывал для него отдельные упражнения.

Все потому, что Анатолий Евстигнеевич был не просто рядовым детским тренером, но в не столь давнем прошлом игроком выдающейся команды, где взаимопонимание на поле ставилось во главу угла и где удобно пасовать должен был уметь каждый. Поэтому Масленкин знал, чему учить, и обладал необходимыми для того навыками.

Одно, пожалуй, наставник ученику не сумел передать. Манеру общения. Сам-то Анатолий, как только появился в «Спартаке» (в 23 года, правда), так сразу же стал всех старожиллов на «ты» называть.

Поразительно, но Федор Черенков такому стилю общения не научился за всю свою недолгую жизнь. При этом он пришел в мальчишеский коллектив, где ребята взаимодействовали уже года по два. Если кто-то из мужчин вспомнит сейчас собственное детство, то прямо скажет: подобная адаптация не всегда проходит безоблачно. Тем паче в спортшколе. А Федя тогда и впрямь был небольшого росточка и худенький.

Но ведь факт: сразу понравился и тренеру Масленкину, и ребятам. Только коснулся мяча – и стало ясно: его вообще никто не обидит. Напротив, станут защищать в возможных потасовках. Потому что видна была подлинно дворовая техника, та, что заставляла даже девчонок смотреть футбол.

Такая работа с мячом, разумеется, имела лишь у избранных виртуозов спортплощадок. Как вспоминал одноклассник Черенкова Александр Беленков, всю жизнь продруживший с Федором, мальчишки вскоре захотели заниматься в паре конкретно с новичком. «Если ты, допустим, отрабатываешь какие-то удары головой, ясно, что после второго удара мяч не упадет, – разъяснял нам Беленков. – Техника была такая, что можно было работать и по пять, и по десять, и по двадцать ударов. Это было достаточно привлекательно».

Еще любопытнее свидетельство Сергея Родионова, старого друга и товарища Черенкова по команде мастеров «Спартака». Хотя Сергей Юрьевич и 1962 года рождения и занимался в иной группе, у другого тренера, он с удовольствием оставался после собственной тренировки посмотреть на тех, кто тремя годами старше.

«Он был шуленький такой, – подтверждает до недавних пор генеральный, а ныне спортивный директор футбольного клуба «Спартак». – И, кстати, не всегда попадал в состав. Потому что команда 59-го года была довольно приличной, там действительно были ребята, которые по таланту, по спортивным качествам могли, наверное, претендовать на гораздо большее, нежели получилось. А Федор отличался техникой, видением поля. Это мы замечали».

Впрочем, тех, кто здорово обращался с мячом, имелось все-таки немало. Тех, кто видел при этом поле, – меньше, хотя такие тоже были.

В чем секрет Черенкова? Для начала: уважая тренера, он всегда помнил о самоподготовке. Много позже он скажет прямо, что сам себе самый строгий судья. В детстве такое не декларируется, однако внутренний стержень все одно виден. Еще важнее, что футбол для него – всегда сначала игра, а уже потом работа. И те же удары головой, чтобы мячик не уронить, – занятие для него как полезное, так и увлекательное. Да хоть 30–40 ударов – все в радость и без усталости. И так всю жизнь. Он отличался, вспоминал Беленков, «какой-то усидчивостью, настырностью по-хорошему».

Александр при этом отмечает и другую, не до конца, так сказать, изученную сторону обаяния Черенкова: «Уже в молодом возрасте проявлялось, что это человек очень начитанный».

Да как же так?! Ведь анекдот про трех братьев, из которых двое умных, а третий – футболист, никем, кажется, не забыт. Здесь же человек через массу лет вспоминает о том, что Федор любил читать, любил учиться. Правда, конкретное чтение, обожаемые, так сказать, Черенковым книги наш собеседник назвать не сумел.

Назовем мы – устами самого Федора Федоровича, сообщившего в 2010 году одному из нас для книги «Спартакские исповеди» следующее: «Сейчас практически ничего не читаю. Особенно когда болезнь приходит – она читать не дает, отторжение идет. К тому же и зрение немножко упало. А когда-то и Достоевского любил, и Джека Лондона, и “Войну и мир” прочитал запоем. В школе имел представление о Толстом только из учебников, а в районную библиотеку ходить было неловко. Потому что читаю медленно, вдумываясь в каждое слово, а там сроки пользования ограничены. Когда игрой в футбол начал зарабатывать деньги, завел собственную библиотеку».

Значимо не то, сколько томов пролистал определенный индивидуум. Гораздо важнее, что он из них вынес. Федор читал всю жизнь. Медленно. Возвращаясь и переживая. Что говорить, если в зрелые годы он постоянно визировал тексты собственных интервью и расстраивался, когда находил какое-то «не свое» слово, пусть даже и синоним. Ведь он-то всё продумал перед тем, как сказать. Интеллигентность – вещь неуловимая.

...Пора, однако, вернуться в 70-е и внести некоторые уточнения. Федя в спартаковской школе с 1971 года. Школа та располагалась на Оленьем Валу, где сейчас Академия имени Ф. Ф. Черенкова. При этом параллельно существовала клубная школа той же команды, которая базировалась на Ширяевом поле. То есть и тут «Спартак», и там «Спартак». А детские коллективы – разные. Тренеры, понятно, тоже.

Поэтому схватки между двумя детскими «Спартаками» отличались редкой принципиальностью. Так вот: на Оленьем Валу Федор работал под началом Масленкина. А затем две школы соединили, и с годом рождения Черенкова работал уже только Владимир Чернышев.

Бывший спартаковский голкипер был по жесточе Анатолия Евстигнеевича. Но никаких жалоб и обид со стороны воспитанников мы не услышали. Потому что тех наставников отличала даже не любовь к детям (это и так ясно), а удивительная тяга к игре.

Никто из них не требовал от подопечных победы любой ценой. Чтобы прибить противника к земле, одолеть, не считаясь с жертвами среди питомцев, а потом и титул завоевать. За что, непосредственно, получить вознаграждение – повышением жалованья или новой квартирой. В таких случаях сами же ребяташки надорвутся – физически (возможно) или психологически (что точно). Так и теряется новое, часто весьма способное поколение.

Черенкову повезло. Масленкин, как вспоминал Беленков, лишь раз безудержно радовался счету 3:0 («С ума сойти, с ума сойти!» – выкрикивал он). Тогда победили сильную команду «Локомотив» в невозможный дождь.

Анатолий Евстигнеевич обожал бразильский футбол. «Масленкин и любовью к “Спартаку” нас всех пропитывал, и технику ставил, – свидетельствует Черенков в «Спартакских исповедях». – С особым упоением он рассказывал, как играет бразильская сборная. Все упражнения, говорил тренер, у нее построены на технике – и у нас было так же. И передачи, и ведение мяча, и разнообразные игры, и даже гимнастические упражнения – всё происходило с мячом».

Бывший центральный защитник втайне был фанатом бразильской модели 4–2–4. Втайне – потому что формально то построение безнадежно устарело еще к концу 60-х. Чемпионы мира-66 англичане сыграли по схеме 4–3–3 (хотя Виктор Маслов со своими киевлянами его и раньше использовал), и у нас в стране пошли модификации. В частности, отказ от чистых крайних нападающих. А при той, бразильской, системе крайки были необходимы. Потому хотя бы, что каждый из них, по изначальной концепции, должен был уметь и назад вернуться.

Вот чему Федор и научился. В том плане, судя по всему, что прибегал на фланги ко всем своим защитникам. «Но Федя был не Федей, если бы не играл по всему полю – слева, справа, – работоспособность у него была очень сильная. Если надо где помочь – там Федя», – рассказывал Александр Беленков.

Трогательный факт: они били пенальти в перекладину. На «щелбаны». А еще – играли на компот. Компот-то болгарский был, со сливами! 700 граммов банка. За него стоило сражаться.

Ведь советские дети не были избалованы. И замечательный компот не являлся для всех нормой.

Анна Павловна Чуркина, шеф-повар на легендарной клубной базе, отработавшая 41 год и повидавшая не одно поколение красно-белых, вспоминала: «Помню его еще мальчишкой, когда для ребят из спартаковской школы сделали в Тарасовке пионерский лагерь. Они тогда в футбол на стакан компота играли, но Федя, даже если выигрывал, никогда сам не подходил требовать положенный компот».

Те годы характеризовались еще и превосходным отечественным детским кино. Фильм «Ни слова о футболе» режиссера Исаака Магитона, известного больше по сюжетам из киножурналов «Фитиль» и «Ералаш», предшествующие образцы, сказать прямо, не превзошел. Однако в той ленте снялся юный Федор Черенков.

Съемки проходили в белорусском Гомеле. Их, десять воспитанников школ «Локомотива», «Спартака» и «Торпедо», поселили непосредственно на стадионе, в подтрибунных помещениях. Причем отдельная соседняя «палата» предназначалась пионервожатой. Вроде как спортивный лагерь получался – специальный и на выезде. Причем все под присмотром.

Но как же счастлив был Федя! Им же иногда позволяли поиграть на поле команды мастеров. А там прямо травинка к травинке уложены: ноги сами просятся бежать.

Роль творческого начала будет понятна, если обратиться к сюжету фильма. Итак, способный Ярослав Коротков ради участия в финальном турнире «Кожаного мяча» становится вновь 13-летним шестиклассником, а не учеником седьмого класса, которому стукнуло целых 14. Так что такого? Подумаешь, год. Главное же – победа команды «Комета», где Славик Коротков – капитан и основной забивала. Да и играет мальчишка впрямь здорово...

Сам Федор позднее разъяснял, что мальчик, исполнявший эту роль (Виктор Харитонов), «в игре оказался не особенно силен». И в «футбольных эпизодах» его дублировал как раз Черенков.

Фильм этот, что скрывать, помнится ныне благодаря изумительному удару через себя, «ножницами», что наносит парнишка в белой форме. И люди, благодаря Сети, точно знают: забил Федор. Однако это же футболист «Орленка» – противника «Кометы»! И, кстати, тот потрясающий мяч по меньшей мере уравнивал шансы. Но по фильму переросток Славик эффектно провел победный гол, артистично переиграв голкипера. Причем настолько фирменно, что невольно угадывается тот же исполнитель. Ему лишь прическу поменяли на более густую и рыжеватого цвета – парик, похоже, приделали. А пластика-то осталась.

Если вернуться к тому шедевру с «ножницами», то стоит привести мнение самого режиссера. В книге «Кинопроба» он рассказал о пяти дублях. Первый не вышел: камеру заклинило. Второй – оператора подтолкнули. Третий загублен из-за судьи, попавшего ненароком в кадр. Четвертый: все отлично! Теперь пятый, последний, – на всякий случай, мало ли что. И, уверял режиссер, все пять раз актер-дублер Черенков исправно укладывал мяч в сетку тяжелейшим по исполнению ударом. Ни разу не подвел.

Хочется верить? Очень. А представьте, как того же хотелось Федору Федоровичу! Только он себя преодолел. «Исаак Семенович преувеличил. На самом деле было двенадцать дублей – и удар у меня получился раз шесть. Но о неудачных попытках в книге упоминать он не стал. Сделал мне, как сказали бы сегодня, рекламу», – объяснял Черенков журналистам газеты «Спорт-экспресс» в 2007 году.

За этот доблестный труд он получил в 73-м 110 рублей. Отдал маме. Но попросил приемник купить. «Сокол» он назывался. Долго потом служил.

* * *

Учеба в СДЮШОР шла сама по себе. Каждый год добавлял неуклонно взрослеющему Черенкову мастерства. Что до кино, то он рассказывал в 83-м о приглашениях сниматься в чем-то похожем. Только уже некогда было. И футбол отнимал, естественно, все больше времени. И, ко всему прочему, надо было продолжать образование.

Школу Федор окончил в 1976 году, после чего напрашивалось традиционное поступление в Институт физкультуры. В подавляющем большинстве как раз там обучались советские профессиональные (будем называть вещи своими именами) спортсмены, и футболисты в частности. Обычно составлялся индивидуальный график сдачи зачетов и экзаменов, который впоследствии корректировался уже как график сдачи задолженностей. Таким образом, совместными усилиями институт благополучно заканчивали, диплом получали.

Черенков удивил уже выбором вуза: Горный институт. Федор честно рассказывал потом, как случайно поучаствовал в поединке между спартаковскими воспитанниками 1959 года рождения и командой любителей из того технического вуза. Профессионалы, конечно же, победили – 6:1. Зато любители заронили некоторые сомнения в спартаковские души. Горняк (он же шахтер) – это же специальность, она везде требовалась.

Ох, и сколько же раз проходило: взяли, потому что спортсмен. Верно: институту, как и всем, нужны были футболисты, хоккеисты, гандболисты. И Федору обещали, что возьмут целых одиннадцать игроков с мячом. Футбольным на этот раз. А потом...

Потом, видимо, забыли. Или кто сверху устыдил. Одним словом, из одиннадцати претендентов, шедших на первый курс, прошли лишь двое. На общих, выходит, основаниях. Такую версию событий, по крайней мере, изложил нам однокурсник Черенкова Алексей Абрамов, с которым они дружили до конца дней футболиста.

Алгебру с геометрией Федор знал. Вера Андреевна Старченко учила серьезно. Про свою школьную учительницу он вспоминал в 2007 году: «На редкость принципиальная женщина. Свой предмет – математику – знала “от” и “до”. И от нас требовала того же. Вера Андреевна всегда держала класс в строгости. За малейшую ошибку сразу ставила “тройку” или “четверку”. Я тогда ужасно расстраивался. Зато математику вы зубрил так, что во время контрольной работы успевал и саму контрольную написать, и в оставшиеся пятнадцать минут сделать домашнее задание по русскому языку».

Математику Федор не просто зубрил! Он ее понял, почувствовал. Вспоминая его мастерство паса, нелишне заметить, что иногда и математически образованный мяч попадал туда, где более всего был нужен!

Учиться в Горном институте попросту трудно. Это же типичный технический вуз. То есть высшая математика, физика, начертательная геометрия, техническое черчение. Многие после первого курса уходили.

Да и сама специальность горного инженера достаточно специфична. Факультет назывался «Технология подземной разработки». Чтобы заниматься таким делом, его надо сильно любить. Можно было, конечно, сообщить: мол, футболист, за «Спартак» выступаю, поэтому времени на математику с черчением нет, войдите в положение...

А он не стал ничего преподавателям говорить. Сокурсники знали – и хватит. Он ведь как-то «приблизился» к двум иногородним парням. Те были старше на пять лет и обитали в общежитии. Куда юный Федя, конечно, изредка заезжал. С одним из тех ребят, Алексеем Абрамовым, нам удалось поговорить. «Мы производственники, – рассказывал нам Алексей Михайлович, со временем ставший главой крупной строительной фирмы. – Я работал на рудниках года два. Под землей. После армии». Второй товарищ Черенкова был с Дальнего Востока. Сергей Готовщиков (институтская кличка «Тапки») тоже был заметно старше Федеи.

Вообще-то в общежитии не очень любили москвичей. За то, что сидят на всем готовом, на родительском горбу. Но Черенков и здесь стал своим. Его принимали особенно радушно. Почему? По многим причинам. Вот, хотя бы, ни разу не брякнул про знакомства и связи. Никогда никого не обидел, ни разу зло не ответил на шутки-прибаутки, даже если они были с подначками.

Абрамов рассказывал нам, что они втроем сживали в чебуречной, которая в ту пору находилась возле кинотеатра «Ударник». Выпивали? Сергей с Алексеем – да, Феде доставалось что-то сугубо символическое. Он, скорее, присутствовал.

Не забудьте: ведь только умер отец. И ему так нужны были старшие близкие люди. А ребята-то успели и в армии отслужить, и поработать по специальности. При этом он, житель мегаполиса, затем отправляется домой, а они оставались в «общаге».

Году в 79-м, став игроком «Спартака» с прилагающейся к этому статусу зарплатой, Черенков собрал институтскую команду (в такси набилась чуть не вся группа) и повез в ту самую чебуречную. Угостил тогда всех. По полной программе.

Полтора года футболист Черенков учился на общих основаниях. Три, то есть, семестра. Затем, переговорив с начальством, перешел на свободное посещение. Со сдачей всего необходимого. Но все равно бывал в институте значительно чаще тех, кого мы сегодня называем «мажорами».

Иное дело – практика! Она состоялась после окончания теоретического курса 1977 года. «У нас производственная база, – вспоминал Абрамов, – была в Карачаево-Черкесии, в 35 километрах от Карачаевска, поселок Эльбрус». То есть горы, красота невозможная, воздух, солнце. Молодость, наконец.

Это нам с вами. А им нужно было курсовые работы затем представить. При этом Федор-то – мальчик московский, не горняк. Чуть подшучивали над ним. Допустим, диктуется общая для всех вводная про то, что там, в регионе, добывается: цинк, свинец (Федя все усердно записывает) и... китайский воробей.

Последнее произносилось абсолютно без смены интонации – и Федя, как вспоминает Абрамов, «покупался». То-то друзьям радости было!

При этом курсовые работы получились вполне грамотными.

Да и потом, когда его уже по телевизору принялись показывать (характерен выкрик отца Александра Беляева: «Это ж наш Федька!»), он не просил пойти навстречу и «нарисовать», как теперь говорят, оценку. А «неуд» за все пять лет был один – по предмету «Статические машины». Он и его потом на «четверку» пересдал.

Однако нас, понятное дело, интересуют его футбольные успехи. Сам Федор Федорович в интервью С. Лескову вспоминал о первой встрече с Николаем Старостиным с некоей степенью неловкости: «В 1973 году проводил лето в спартаковском спортивном лагере. Как-то во время обеда к нашему столу подошел пожилой мужчина в очках и спросил: “Кто из вас Черенков?” Отвечаю с некоторым вызовом: “А зачем он вам нужен?” И чувствую, меня в бок толкают: “Это же Николай Петрович Старостин”. Я моментально онемел».

Напомним: примерно в ту пору и снимался фильм Исаака Магитона. Может, кто-то рассказал патриарху о талантливом мальчишке, чьи подвиги успели даже на пленку запечатлеть. Однако вернее всего то, что Федя вообще находился тогда в великолепной форме и это заметили его знающие дело наставники. Николай Петрович оказался верен себе: на дерзковатый выпад не отреагировал. Напротив, отвел в сторонку, шоколадкой угостил, недолго поговорил о планах на будущее. И напоследок сказал: «Будешь стараться – возьмем в команду». Федору, несколько пристыженному, иного стимула для самосовершенствования не нужно было.

Тут нелишне привести милую подробность от Александра Беленкова: «Федя был достаточно щупленький, и Николай Петрович решил его как-то поддержать, подкормить. Сначала

мы в столовой обедали, а потом он дополнительно Федю брал с основным составом и кормил еще и там».

Прошло четыре года. В 1977-м прославленная команда оказалась в первой лиге. А набор 1959 года стали проверять на предмет пригодности в резерв «Спартака».

То было очень трудное время. «Спартак» возглавил Константин Бесков. Тренер знаменитый, авторитетный, но динамовец. А в ту пору именно московское «Динамо» считалось самым принципиальным, историческим оппонентом «Спартака». Преодоление стены недоверия для Константина Ивановича было не менее сложной и важной задачей, чем собственно возвращение в элиту.

Возникал вопрос: на кого будет делать ставку маститый наставник? На тех, кто отыграл провальный сезон 76-го? На приглашенных крепких исполнителей из высшей лиги? Или, может, на собственную, подростковую в родной СДЮШОР молодежь?

Сегодня-то мы знаем, что Константин Иванович пошел собственным путем, который, пожалуй, никто не мог предсказать. Однако сорок с лишним лет назад последний названный вариант кому-то из болельщиков вовсе не казался фантастическим. И, стоит признать, Бесков, обожавший возиться с мальчишками, спартаковскую школу не забыл. Процесс находился под контролем. Просто нужно было подождать где-то год с небольшим.

Пока же в 77-м Черенков оказался в спартаковском молодежном составе (дубля у команд первой лиги не было). Он, правда, считал, что туда его определил старший из братьев Старостинных. Но в данном случае перед нами вряд ли принципиальный вопрос. Есть же понятие: тренерский штаб. Сейчас подчеркнем, что путевки в высшую лигу были добыты без непосредственного участия Федора. Он медленно созревал в красно-белой «молодежке».

А она развила, между прочим, бурную международную деятельность. Шутка ли, этот самый «молодняк» в ноябре 1977 года умудрился совершить турне по экзотическим Сингапуру и Индонезии! Со сборными обоих государств юные спартаковцы сыграли по два раза (Сингапур – поражение и победа, Индонезия – поражение и ничья). Черенков только второй матч с Сингапуром пропустил. Правда, не забил ни разу – так ему всего 18. Выглядел же еще моложе.

Тема возраста будет неоднократно задействована в дальнейшем. В этой связи стоит обратиться к весьма интересной и информативной книге 2000 года «Мастер и мяч. Честный футбол Федора Черенкова». Эта небольшая брошюра, некоторые материалы из которой уже использовались выше, имеет лишь один серьезный недостаток: издательство «Форвард» не указало автора. Об иных характеристиках речь еще пойдет.

В данном случае обратимся к приведенному в книге эпизоду, вроде как произошедшему сразу после вылета «Спартака» из элитного дивизиона:

«На реплику одного из собеседников, что всего очка не хватило, чтобы остаться, и теперь непросто будет вернуться в высшую лигу советского футбола, один из наиболее техничных советских футболистов Сергей Сергеевич Сальников хитро улыбнулся и негромко сказал: “Дед отыскал в юношеской команде такого парнишку, что нам будут не страшны любые соперники. Этот молодой футболист – вовсе не случайное озарение. Пройдут четыре-пять лет, и он станет общим любимцем, ‘звездой’ футбола. На него будут ходить, как в наше время ходили, чтобы посмотреть Бутусова”».

Имелся в виду Михаил Бутусов, превосходный ленинградский центрфорвард, один из сильнейших советских футболистов довоенной поры. И Сергей Сальников – действительно блестящий мастер атаки 50-х, а через 20 лет журналист – и вправду превосходно разбирался в игре. Причем сказано все так правильно и на редкость прозорливо.

Оттого и терзают смутные сомнения в смысле абсолютной достоверности этой сцены. Несомненно, Сальников мог заметить и оценить Черенкова в спартаковской школе – тем более если на него указал Старостин. Но разговор болельщиков-то шел о высшей лиге, которую бесславно покинули и куда срочно нужно было вернуться. А Сальников, большую часть отмен-

ной карьеры проведенный в «Спартаке», «утешает» любителей футбола тем, что грянет через четыре-пять лет? И тот мудрый прогноз все твердо запомнили?

К тому же Сергей Сергеевич, естественно, был поклонником коллективного, комбинационного футбола и прекрасно сознавал, что ни один, даже супервыдающийся мастер, войдя в конкретный состав, не поставит победы на поток. На дворе все же 70-е годы. Да и последующий анализ публикаций Сальникова не позволяет считать его упрямым, принципиальным поклонником Черенкова. Впрочем, быть может, это и шло от особенной требовательности маэстро прошлого к таланту конца 70-х.

Все это говорится не к тому, чтобы уколоть неназванного автора. Просто необходимо запомнить: Федор совсем не врывался в отечественный футбол этакой кометой. Как, например, Эдуард Стрельцов или, если брать современников, – киевлянин Владимир Бессонов и одноклубник по «Спартаку» Вагиз Хидиятуллин. Нет, путь Черенкова выдался много сложнее.

В красно-белой заявке образца 1978 года значилось сразу несколько футболистов с похожими фамилиями: защитник М. Буренков (1960 года рождения), полузащитник А. Меренков (1959), нападающие Н. Цыганков (1959) и Ф. Черенков (1959). Даже подумалось тогда: не нарочно ли таковых подбирали?

Но через год остался один Федор Черенков. В общем-то обычная практика Бескова. Способный паренек обкатывался в дубле, подводился к основе через замены. Коли дела налаживались, – следующий сезон человек мог начать и в стартовом составе. Это «многих славный путь»: после Федора такой двухлетний «курс молодого спартаковца» (и игрока сборной в перспективе) пройдут Сергей Родионов, Геннадий Морозов, Борис Поздняков. Ребята же, не доказавшие необходимость команде, расставались с ней.

При этом дотошный наставник внимательно изучал каждую игру представителя молодой поросли. Выходило не хуже компьютерного подсчета технико-тактических действий. К тому же не терялся еще один наиважнейший момент: готов юнец сражаться, упираться, терпеть – или нет. Тут уж машины бессильны, вступает в действие «человеческий фактор».

Выходит, Черенков по всем параметрам подошел. Признал его Бесков. Только признание шло вполне себе неспешно.

В 1991 году многолетний второй тренер спартаковцев Федор Новиков так рассказывал о начале своей работы с Бесковым. Константин Иванович, дабы приободрить будущего многолетнего соратника перед новой совместной работой, отправил его в гостиницу делить пока номер с парнем, которого на следующий день собирались отправлять восвояси. Итак: «Прихожу, как сейчас помню, в номер 888. Дверь открыта, в кресле сидит парень, заложив руки за голову, и смотрит в потолок. На мое “здравствуйте” ответил, не изменив позы, продолжая созерцать потолок. Я его спрашиваю: о чем, дескать, мечтаете, молодой человек? Он на полном серьезе отвечает, что хочет жениться, хочет играть в основном составе “Спартака”, войти в сборную СССР и жить как все нормальные люди» (еженедельник «Футбол» от 3 марта).

Удивительно? А почему, собственно? Ведь Федор был «ужасно правдив» – буквально как Медведь в «Обыкновенном чуде» Евгения Шварца. Помните: «Если я вижу, что девушка милая, то так прямо и говорю ей об этом». Насчет «милрой девушки» мы неспроста. Ибо неплохо обратить внимание на приоритеты: первая цель – все-таки женитьба, а не спортивные достижения. Хотя ему всего 18. Но «достижения» никуда не уйдут, а «милую девушку» Ольгу терять было никак нельзя.

Впрочем, вернемся к воспоминаниям Новикова: «В тот год “Спартак” как раз перешел из первой лиги в высшую, и Константин Иванович велел мне собирать “дубль”. Я был в Москве человек новый, футбольную биржу знал плохо. Начал наводить справки и тут вспомнил о мечтателе из номера 888. Ни разу не видел его в игре, но что-то необычное было в том парне, в его интонации, когда мы с ним говорили. Словом, разузнал, где он, что делает, пригласил на

игру за дубль “Спартак”. Поставил в состав. Бесков спрашивает о каждом, кто как играл. А я говорю: вы знаете, мне кажется, это зерно, из которого будут всходы».

При всем уважении к Федору Сергеевичу, нельзя каждое его слово принимать на веру. Новиков не сочиняет, нет. Просто все мы люди. И неизбежно расставляем акценты так, как удобнее нам. Поэтому что если двигаться логикой рассказчика, то получится, что ни Старостин, ни Бесков особой роли в судьбе Федора не сыграли.

Однако цитата приведена нами не случайно. Получается, что немолодого, много повидавшего тренера привлекла *интонация* юного Черенкова. Он говорил «по-взрослому», серьезно, спокойно, взвешенно. С редкой убежденностью. Он, бесспорно, не только желал всего того, что наговорил Новикову (которого, уместно подчеркнуть, видел первый раз в жизни), но и представлял себе, как тех высот достичь. А достичь можно было лишь через борьбу. Не драку, заметьте.

Сергей Шавло, уже прошедший на тот момент испытание первой лигой, вспоминал, что при первой двусторонней игре (а Бесков такие тренировочные матчи очень любил, причем часто останавливал процесс и принимался объяснять нюансы) юный Федя играл почему-то правого защитника. А Сергей, уже зрелый, 21-летний футболист, – левого хавбека, как по жизни потом чаще и бывало. Конечно, Шавло выглядел и мощнее, и быстрее. Но как же упирался новоявленный правый оборонец! Руками прихватывал Сергея Дмитриевича! И это Черенков! Корректный, порядочный игрок. Будущая гордость страны.

Однако главное-то было подмечено: «Но когда мяч у него был, естественно, было видно, что он может отдать и так далее». Это слова Шавло. Однако то же мог произнести и Бесков. Так ведь мало ли талантливых ребят, техничных, «с головой»? И Федор четко сознавал: надо еще и бороться. А работать значительно больше, чем кому-то кажется. «И Федор, когда пришел, поразил трудолюбием. Все время вникал, ходил, смотрел», – продолжает Шавло.

Ходил и смотрел он после собственных тренировок. Иные способные ребята уже всю отдыхали и развлекались. А ему все интересно было. Ну и понятно, отчего Константин Иванович стал привлекать его к двусторонкам. И перед тем знаковым матчем против ереванского «Арарата» Федор занял место в числе шестнадцати: основа и ближайший резерв на замену.

Обратимся к хронике сезона-78. Начинали спартаковцы прошлогодним составом, который и добыл путевку в высшую лигу. Даже Евгений Ловчев, вскоре перешедший в московское «Динамо», успел провести две первые полноценные игры.

И дело у красно-белых, прямо скажем, не пошло. То, что получалось «уровнем ниже», в первой лиге, не выходило с более классными коллективами. Бесков начинает глубокую и трудную работу по усилению состава. Журналист Александр Владыкин подсчитал, что к 20 августа за «Спартак» выходили на поле 23 игрока. То есть больше, чем два полных состава.

Первое появление Черенкова состоялось 11 июня в матче с «Араратом», когда он на 76-й минуте заменил Евгения Сидорова при счете 3:0 в пользу москвичей. Внимание на этот факт обратили где-то лет через пять: тогда, в 78-м, ничего особо значимого не заметили: так, попробовали еще одного молодого футболиста. Обычное дело. К примеру, другой дебютант, Александр Калашников, был отмечен в прессе значительно раньше.

Хотя справедливости ради нужно заметить: старший тренер сообщил о перспективах Федора еще 1 июня. Похоже, перед нами первое упоминание о Черенкове в печати. Интервью Леонида Никитина с Бесковым в «Советском спорте» называлось «Мера достоинств и недостатков» и посвящено было непосредственно занимаемому на тот момент 14-му месту. На вопрос о молодежи для усиления игры (причем сам корреспондент привел как положительный пример сразу уверенно заигравшего Рината Дасаева) последовал такой ответ: «У нас в дубле есть ряд перспективных игроков, которых мы, видимо, сможем показать зрителям уже в первом круге. Это Черенков, Березин, Буренков...» Федор, как видим, назван первым. Но, нетрудно убедиться, весомых предпочтений он в 1978 году не получил.

То ли дело упоминавшийся перед этим Дасаев! Ведь на старте сезона голкипер находился в той же позиции перспективного дублера. Зато как 23 мая занял пост № 1 – так до конца сезона его назад Александру Прохорову не отдал, невольно поспособствовав завершению карьеры знаменитого вратаря. Что ж, место в «раме» одно, трудно его получить – намного сложнее отстоять. Однако если удержался, – всё, ты опора и надежда команды.

С полевыми игроками, ясное дело, неоднозначнее и многообразнее. Вот и Черенков вышел в основе первый раз 30 июня. Тот матч в Москве с «Кайратом» славен прежде всего покером Ярцева, которым голеадор разразился после хет-трика «Пахтакору». Разумеется, проведенные тогда 18-летним Черенковым дебютные 90 минут в высшей лиге никого не заинтересовали. И это закономерно – особенно при сотворенной Ярцевым голевой феерии.

А вот второе появление в стартовом составе 2 ноября чисто формально (домашняя победа 2:1) помогло спартаковцам взобраться на высокое (после возвращения из первой лиги) пятое место. Правда, Федор тогда не забил, голевой передачи не отдал и был заменен на 64-й минуте Сорокиным. Еще Черенков пять раз за чемпионат выходил на замену.

Вроде и не за что зацепиться в плане достижений. Для сравнения: у упоминавшегося Калашникова набралось восемь матчей за основу (трижды в старте) и один гол. Второй Александр, Корешков, провел те же восемь игр, также единожды отличился и четыре раза выходил с начала встречи. Казалось бы, вот он – удачный дебют. А Черенков, как говорится, «не показался».

Суть сейчас не в том, что вышло все наоборот. При внимательном рассмотрении можно выделить принципиальнейшую схватку 15 октября в Москве с киевлянами. Ведь Бесков бросил в бой Федора на 65-й минуте, убрав с поля, между прочим, Хидиятуллина. Счет был 0:0, и хозяева настойчиво, пусть и чуть наивно, наступали.

А противостояла им сильнейшая команда СССР, справедливо считавшаяся тогда одной из лучших в Европе. И вот в момент динамического равновесия на поле появляется юный Черенков. Дабы усилить атаку, добавить скорости и фантазии. Да, результат получился плачевным: почти сразу, на 70-й минуте, мастерски открыл счет Блохин, а на 86-й Бессонов не менее изящно закрепил преимущество гостей.

Но все-таки та замена, думается, на что-то уже намекала, нечто предвещала. Ведь год-два спустя именно творческое противостояние Черенкова и его товарищей с украинскими «академиками» станет визитной карточкой отечественных первенств. А здесь все только начиналось.

Впрочем, персональный союзник у Федора в «Спартаке» все же имелся. Николай Старостин с того 73-го навсегда стал поклонником таланта Черенкова. В книге Рината Дасаева и Александра Львова «Команда начинается с вратаря» (1986) Николай Петрович высказался следующим образом: «Федор еще всех за пояс заткнет. В нем футбольный Лобачевский сидит. Это я нутром чую». Можно добавить: Виктора Папаева, кумира поклонников красно-белых 70-х годов, спартаковский патриарх сравнивал с великим пианистом Святославом Рихтером.

Такая своевольно и гармонично сложенная виртуальная компания просто-таки обязывала к профессиональному – более того, творческому рывку.

Одна из причин такого рывка: особая программа, которую для юного Феди разработал все тот же Федор Новиков. Ведь ясно было: парню нужно улучшать физическую готовность. Для чего необходим комплекс упражнений (там и нелюбимая спартаковцами штанга присутствовала), который нужно выполнять ежедневно, в том числе и в отпуске. Черенков, вроде бы сублинный и хрупкий на чей-то взгляд, отпахал всю ту зиму так, что резко переменился даже внешне.

Сергей Шавло точно назвал даже юного Черенкова «коренастым». Хотя бы оттого, что ноги у Федора всегда были крепкими, сильными. Футбольными. Впрочем, физическими упражнениями он никогда на отдыхе не ограничивался. Очень любил, в частности, играть против трех-четырех мальчуганов из какого-то двора. Это традиция, идущая от Сергея Сальни-

кова – в определенном роде творческого предшественника Федора. Тот тоже бился против таких же мальчишек до упаду. Да, вообще говоря, все они, наши великие игроки, так и не успели повзреть. Мальчишки – они и есть мальчишки...

В данном случае видится интересным позднее высказывание выдающегося журналиста Льва Филатова (еженедельник «Футбол» от 2 декабря 1991 года): «И все же, думается мне, Черенкову в детстве, отрочестве и юности повезло, не забривали его ни в какие юношеские сборные, не переучивали, приспособливая к самоотречению ради победного счета, не делали из него прежде срока юнца-воина, юнца-ветерана, не заставляли срочно накачивать себя заемной силой, не требовали безоговорочного послушания, съедающего радость игры».

...Прежде чем перейти к событиям следующего чемпионата, мы должны признать: Федор – человек слова. Если обещал жениться – женился! Бракосочетание с Ольгой Хлюстовой, ставшей Черенковой, произошло 26 августа 1978 года.

До свадьбы они уже были вместе. Просто как-то раз Федор сообщил маме, что не придет ночевать, а останется у Оли, благо ее родители вместе с младшим братом отправились на дачу. И что Александра Максимовна с ее, казалось бы, патриархальным воспитанием? Будущая свекровь сразу же захопотала, стала собирать молодежи завтрак: яйца, сырки плавленые...

Потому что добрая? Конечно. А еще оттого, что мудрая. Всё она видела и понимала. Видела, что сын влюблен. Видела, что чувство взаимно. И понимала, что Феде и его избраннице надо теперь исключительно помогать.

Свадьба получилась знатная. Но не в сегодняшнем смысле. Без шума и пафоса, без вечерних платьев с бриллиантами.

А в том смысле, что гулял весь двор. «Это было, как в деревне, – делится с нами Ольга Владимировна. – Столько народу! Мы жили на первом этаже. С пятого этажа спустили колонки... Начались какие-то пляски. Это было нечто».

Столы накрыли все-таки в квартире. Затем праздник перекинулся на двор. Конечно, лето и погода хорошая. Так ведь и в квартире, даже объединившись с добрыми соседями по этажу, принять всех не представлялось возможным.

* * *

А теперь – к футбольному 1979 году. Можно ли считать, что тот «рывок от Новикова» и ознаменовал собой переход Черенкова на новый уровень? Думается, да. Хотя сначала надо было закрепиться на уже взятых рубежах. Но обо всем по порядку.

Обозревая 30 января в «Советском спорте» турнир в зале на приз газеты «Неделя», Алексей Леонтьев высказался недвусмысленно: «У спартаковцев есть два футболиста, от игры которых во многом зависит содержание атакующих комбинаций, – Гаврилов и Шавло. Оба они хорошо понимают, что середину поля надо проходить быстро, что обострить атаку без риска невозможно». Как видим, о Черенкове – ничего, хотя он в том турнире тоже играл.

И первые три игры чемпионата Федор даже на замену не выходил. А под номером 10 выступал Валерий Глушаков (дядя будущего спартаковского капитана Дениса Глушакова), талантливый друг и партнер Вагиза Хидиятуллина еще по ростовскому спортинтернату. Но 28 мая в четвертом туре Черенков вышел на 67-й минуте вместо еще одного кумира 70-х, Михаила Булгакова, и вскоре после того матча в Ташкенте окончательно «заболбил» за собой «десятку».

Номер-то что надо: Пеле под ним весь мировой чемпионат-58 провел, а Круифф, соответственно, – мундиаль 74-го года. Стрельцов с Кипиани, если из наших, также ту «десяточку» жаловали. Теперь и продолжатель правого дела подоспел. Тот, который вот недавно, зимой, смотрелся одним из кандидатов на выход в старт, – становится «железобетонным» участником действия с самого его начала.

А самое существенное: вчерашний дублер не просто занимает некое, пусть важное, место в команде – он стремится создать вместе с товарищами неповторимую атмосферу командного братства. Приведем свидетельство Виктора Понедельника о победе «Спартака» над «Локомотивом» 4:0 («Футбол-Хоккей» от 17 июня): «У меня, к примеру, комок подкатил к горлу, когда я увидел, как несколько раз во втором тайме Гаврилов, Хидиятуллин, Шавло и юный Черенков (по-моему, игрок с великолепными задатками) своими пасами стремились дать возможность забить Ярцеву, прекрасно понимая, что сейчас, как никогда, ему нужно поразить ворота, чтобы почувствовать вновь уверенность в своих силах».

Не секрет, что у Георгия Ярцева, блистательного бомбардира сезона 1977/78, как-то не заладилось в начале 79-го. И Бесков, которого многие считали деспотом и тираном, стал на то время для футболиста «отцом родным». Успокаивал, ободрял, утешал. Однако для создания подлинно семейной обстановки в коллективе одного «отца», хоть и уважаемого, – мало. Необходимы и «братья». И очень знаково, что Черенков, моложе которого в четверке хавбеков никого не было, тут же включается в глубокие, не всякому глазу видимые командные отношения. Получается, он без напряжения чисто человечески почти тут же становится «своим среди своих».

Однако присмотримся к еще одному аспекту провидческого отрывка от Виктора Понедельника, где сообщается про «великолепные задатки». Судя по всему, перед нами *первое* благожелательное высказывание крупного, авторитетного специалиста (автора золотого гола Кубка Европы 1960 года!) о недавнем спартаковском дублере.

Ведь и правда, стало потихоньку получаться! Осмелимся предположить, что к концу лета 79-го Федора узнали бы на поле, если бы он вышел и не в красно-белой майке с десятым номером на спине. И в той, например, игре 2 июня с «Локомотивом» юный игрок отличился, мощным ударом поразив цель после изящной комбинации с участием Гаврилова и Мирзояна.

Но особенно прославило Черенкова дерби с ЦСКА, состоявшееся 7 июля. Уж много всего в той игре совместилось. И прежде всего, несомненно, роскошная игра Федора.

«Обратите наконец внимание, – призывал Юлий Сегеневич в еженедельнике «Футбол-Хоккей» от 15 июля, – и на явный прогресс в игре молодых и ранее никому не известных Черенкова и Никонова, растущих в обстановке здорового, творческого отношения к игре. Видеозапись голов, которые вчерашние юниоры провели в ворота ЦСКА, думаю, не стыдно показать самой взыскательной публике».

«И самое приятное, – восторгался в «Советском спорте» от 8 июля Валерий Винокуров, – в каждом из четырех случаев (четвертый гол “Спартака” был тоже ярким) опытные уже спартаковцы Шавло, Гаврилов, Сидоров, Романцев отлично взаимодействовали с молодыми – новичками Черенковым и Никоновым».

Сделаем маленькую паузу с необходимыми уточнениями. Сначала: Черенков, как мы убедились, не такой и «новичок»; Владимир же Никонов, да, проводил первый из двух сезонов за «Спартак». Затем в карьере способного нападающего появится армия в формате ЦСКА. Вернуться в команду Бескова так и не получится. Это все к тому, насколько сложны многообразные переходы и возвращения. Федору все аукнется и откликнется почти счастливо.

Однако возвратимся к игре с армейцами через строки Валерия Винокурова: «Черенков открыл счет, дважды подряд обыграв в штрафной площади двух защитников ЦСКА. Сидоров забил второй гол, получив отличный пас от Шавло, причем Гаврилов в этом эпизоде, уступив мяч Сидорову, ввел соперников в заблуждение. Третий гол Никонов забил после того, как Черенков хитро пяткой отдал ему мяч, а затем точно так же сыграл сам Никонов, когда отдавал пас Романцеву».

Видите, и защитника Олега Романцева, будущего прославленного тренера, заташили в футбольный водоворот импровизации хавбеки с форвардами, причем, на наш взгляд, роль Черенкова в том спектакле будто бы специально выделена. Так как именно его соло раскрепо-

стило «Спартак», и пошли всякие открывания, обманки, передачи пяткой. Разыгрались бесковцы. Даже развоевались. И не нарочно это получилось. Не для «разогрева», как в хоккее. Был момент, когда Черенков прибежал заступаться за кого-то из своих в красно-синюю штрафную. Более того, даже толкнул защитника противника. Судя по всему, Никиту Высоких, парня мощного, рослого и крепкого. Так что черенковский толчок в грудь армеец почувствовал весьма приблизительно. Потому и отреагировать как-либо не успел.

Зато с какой страстью кинулись защищать «нашего Федю» «красно-белые»! Толкались они, честно говоря, совершенно непрофессионально, но ввиду количественного превосходства запахали оборонца соперника аж к лицевой линии.

А все почему? Потому что Черенков уже не только «свой». Не просто родной. Он – навсегда – младший. «Сын полка», как назовут его в будущем Романцев, Ярцев и многие другие. С чьей подачи – узнаем позже. И охранять и оберегать его следует, не щадя живота своего.

Что же до собственно футбола, то отзыв Олега Кучеренко в «Советском спорте» от 15 июля сообщал, по идее, об официальном признании: «Мастерство 20-летнего нападающего Черенкова растет не по дням, а по часам».

Так где-то четверть века назад перед Играми в Мельбурне писали и говорили об Эдуарде Стрельцове.

А тут и Спартакиада народов СССР подоспела. Можно сказать, под грядущую Московскую Олимпиаду-80. Задействовали ту же арену, едва введенную в строй после реконструкции.

В отдельных видах (легкая атлетика, бокс и т. д.) приняли участие сильнейшие зарубежные атлеты. С футболом обошлись внутрисоюзными ресурсами: силами команд союзных республик, а также Москвы и Ленинграда.

Каждая футбольная команда-участница получила немного времени на подготовку и старшего тренера. Москвичей возглавил Константин Бесков. Казалось бы, как просто: бери основу «Спартака», разбавь ее лучшими исполнителями из других столичных клубов – вот тебе и состав. Многие до и после Бескова так и поступали при формировании сборных.

Однако простые, проторенные пути – не для этого тренера. В итоге честь столицы вышли защищать девять динамовцев, восемь спартаковцев и по одному представителю «Локомотива», «Торпедо» и ЦСКА. При этом главный бомбардир предыдущих союзных первенств, уже восстановивший к тому моменту спортивную форму Георгий Ярцев, к удивлению многих, в состав не попал.

Черенкову же, классно заигравшему лишь месяца полтора назад, место нашлось. Как увидим, не ошибся Константин Иванович в этом выборе.

В группе Москве выпало играть с Молдавией, Казахстаном и Туркменией. Дебютная встреча с молдаванами (фактически кишиневским «Нистру») выдалась легкой – 5:1. «Защитники иной раз и уследить не могли за перемещениями Сидорова, Чеснокова, Черенкова, Шавло, – отмечал Виктор Асаулов в «Футболе-Хоккее» от 29 июля. – Во втором тайме отличный гол забивает Черенков (57-я минута. – В. Г., И. Р.). Разыграв мяч с Чесноковым, он вышел на ударную позицию, успел заметить, где находится вратарь, моментально оценил ситуацию и “щечкой” направил мяч в сетку».

Вроде бы что там – эпизод. Но старший тренер сборной Молдавии Вячеслав Кириченко решил развить тему, разобрав в том же номере действия футболистов собственной команды: «Форварды, получая возможность забить, спешили. Окажись в позиции Черенкова, забившего четвертый гол, любой из наших форвардов, уверен, он пробил бы “от души”. А мастерство в том и заключается, чтобы из многих вариантов выбрать наиболее верный».

Конечно, «Нистру», команда первой лиги, – не показатель. И тренер молдаван – не абсолютный авторитет. Однако же заметим: Черенкова уже ставят в пример. Более того, его уровень смотрится чуть ли не заоблачным для исполнителей сборной союзной республики. Это все к тому, что условный рейтинг спартаковца растет на тот момент с серьезной скоростью.

И хотя следующие успехи в подгруппе (2:1 с Туркменией и 3:0 с Казахстаном) не отмечены фанфарами в честь Федора, важно, на наш взгляд, зафиксировать новый рубеж. А именно: он уже и в сборной место завоевал, пусть пока и московской.

Москва попала в одну полуфинальную группу с Украиной. Матч между двумя отличными командами стал во многом кульминацией Спартакиады. Нет, и грузины, будущие финалисты турнира, представляли собой серьезную силу, однако украинцы все-таки уже брали не просто Кубок Кубков, а и Суперкубок, обыгрывали мюнхенскую «Баварию». Причем не раз и не два: ведь кроме того Суперкубка 75-го года с гениальным голом Олега Блохина в их активе имелась и трудовая победа в двухматчевом противостоянии 77-го. И киевляне тогда входили в четверку сильнейших клубов Европы.

Тем не менее Москва Украину обыграла 2:0. При активном участии Черенкова. Вторым гол украинцам он забил уже на классе после эффектной комбинации. «Особо следует отметить, – сообщал в «Футболе-Хоккее» Олег Кучеренко, – отличный заключительный пас Гаврилова и действия Черенкова, когда он, сделав необходимую паузу, спокойно оценил обстановку и точно пробил по цели».

А в финале москвичи обыграли грузин – 2:1. Черенков поучаствовал в первом взятии ворот. Именно его удар блокировали, последовал выстрел Маховикова, Габелия отразил мяч в перекладину, а Максименков результативно добил. «Золото» – у Москвы! Первое у большинства представителей того ненадолго сформированного столичного коллектива. Что символично: ладно бы 20-летний Федя – так и Константин Иванович в качестве тренера никогда до этого не поднимался на высшую ступень пьедестала. «Все было впервые и вновь», как в песне «Машины времени»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.